

попаданец

попаданец

Евгений Панов

КРАСНЫЙ ДРАКОН ИМПЕРИИ

Попаданец (АСТ)

Евгений Панов

Красный Дракон Империи

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Панов Е. В.

Красный Дракон Империи / Е. В. Панов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-149686-9

Потерять тех, кого любишь, тех, ради кого живёшь. Самому оказаться на долгие годы прикованным к инвалидной коляске без шансов на выздоровление и в конце концов узнать, что жить тебе осталось считанные месяцы. Но есть братья, которые не бросят и придут, чтобы помочь. Помочь уйти за грань миров. Уйти, чтобы остаться в живых. Уйти, чтобы обрести суперспособности, встретить свою любовь, стать известным и изменить судьбы своих близких, страны, мира, столкнув колесо Истории с наезженной колеи на новую дорогу, ведущую к новому, может быть, более совершенному будущему. Могущественные враги будут пытаться помешать, но кто они по сравнению с Драконом?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149686-9

© Панов Е. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Евгений Панов
Красный Дракон Империи

Серия «Попаданец»

Выпуск 141

© Евгений Панов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Осень. Раньше я любил осень, а последние десять лет просто ненавижу. А ещё я ненавижу автомобили. Особенно гламурные иномарки. И гламурных тёлок за их рулём. Хорошо, что из моего окна их не было видно. Не заезжают в наш двор такие тачки. А в последние полгода я не только машины, я солнечного света не видел. Полгода под землёй. Полгода сплошного кошмара, когда тебе под гипнозом и обычными методами вкачивают в мозг максимальное количество информации в различных областях. Радует только то, что скоро всё это закончится. Закончится в любом случае. Меня просто не станет в этом мире. Осталось ждать буквально считанные дни.

А каких-то десять лет назад я был молод, здоров и счастлив. У меня было всё, что нужно человеку для счастья. Любящая красавица жена, замечательный сын-первоклассник, не самая плохая работа с не самой плохой зарплатой, квартира, машина и дача, поездки за границу к морю раз в год и плюс к этому два брата, для которых я был непререкаемым авторитетом. Теперь ничего этого нет. Остались только братья, благодаря которым я всё ещё живу. Всё остальное погибло под колёсами гламурной иномарки, которой управляла гламурная, вусмерть пьяная девица, оказавшаяся дочкой какого-то высокопоставленного чиновника.

Я хорошо помню тот день, и за прошедшие десять лет память не притупилась. Было начало октября 2010 года, через пару месяцев мне должно было стукнуть 35 лет. Мы возвращались с семьёй из аквапарка, где неплохо порезвились и отдохнули, и решили по пути зайти в супермаркет возле дома, купить на ужин всяких вкусняшек. Уже перешли улицу и шли по тротуару, Костик радостно прыгал, держась за наши руки, Марина мило улыбалась, подставив лицо последним тёплым лучам уходящего солнца. Так они и остались в моей памяти, радостный весёлый сын и улыбающаяся жена.

Не было ни визга тормозов, ни сигнала клаксона. Просто страшный удар в спину – и темнота. Полгода комы, выйдя из которой, я узнал, что у меня больше нет ног. И семьи тоже больше нет. Кроме братьев. Именно благодаря им я и выжил, хотя долго проклинал их за это.

Болек и Лёлик. Борис Андреевич и Леонид Андреевич. Два молодых светила науки. Они были в больнице, куда меня привезли, буквально через час после случившегося. Они подняли на уши всех медицинских специалистов, до кого смогли дозвониться. Они возились со мной, пока я был в коме, они возили меня по всем ведущим клиникам мира, когда я очнулся. Они организовали похороны жены и сына. Они не дали спустить на тормозах и прекратить уголовное дело против гламурной тёлки, убившей моих родных. Они молча терпели мои проклятья в их адрес за то, что не дали мне умереть с моими любимыми. Они наняли сиделку и оборудовали мою квартиру всем необходимым для жизни инвалида-колясочника, у которого помимо отсутствия ног ещё и раздроблен позвоночник. Они все эти десять лет поддерживали меня и обеспечивали буквально всем. И вот полгода назад судьба преподнесла мне очередной сюрприз. Рак костного мозга. Врачи дали максимум год. И снова Болек и Лёлик взялись за моё спасение.

Чтобы выжить, мне нужно... уйти. Из этого мира в другой. Вернее, даже не совсем в другой, а почти что в наш, только на почти 90 лет назад, из 2020 года в 1932-й. Хотя тут тоже не всё так просто. Мир вроде как и наш, а вроде как параллельный, местные головастики и сами ещё до конца не разобрались. Уйду не я сам, перемещение физических тел невозможно, уйдёт моё сознание, или, выражаясь научно, моя психоматрица. Риск огромный. Девяносто восемь процентов за то, что я просто растворюсь в темпоральном поле перехода, и лишь два процента дают положительный исход. Задание для смертника, которым, по сути, я и так являюсь.

Тогда, полгода назад, узнав о моем диагнозе, Болек и Лёлик приехали ко мне. Выпроводив из квартиры сиделку, они молча сели напротив и уставились на меня.

– Что, сочувствовать приехали? – спокойным голосом спросил я. – Так для меня это избавление, а не наказание. Жаль только, ждать ещё довольно долго, да и уходить буду с не самыми приятными ощущениями. Шансов, как я понимаю, всё равно нет никаких.

– Ну, вообще-то шанс есть. Мизерный, но есть, – ответил Лёлик. – Только тебе придётся поехать с нами, и сюда ты уже в любом случае не вернёшься.

– А оно мне надо?

– Это ты решишь после того, как согласишься уехать с нами и поговоришь с одним человеком, – вступил в разговор Болек, – но в любом случае для тебя ничего не изменится. Если откажешься от предложения, то сможешь дожить сколько осталось в комфортных условиях и уйти без мук.

– Болек, ты всегда с детства выступал в роли искусителя, – хмыкнул я. – Ладно, бог с вами, поехали. Возможность умереть спокойно тоже дорогого стоит.

У подъезда уже ждала машина скорой помощи, что в условиях пандемии коронавируса никого из соседей не удивляло. Потом была почти двухчасовая поездка до ворот затерянной среди лесов воинской части, трёхчасовой перелёт в грузовом отсеке Ил-76, в который карета скорой помощи просто заехала, и ещё почти час езды по бетонке, проложенной среди вековой тайги. И вот среди расступившихся деревьев стало видно одинокое трёхэтажное обшарпанное строение, обнесённое, однако, мощным бетонным забором, высотой метров пять. Микроавтобус заехал в открытые каким-то невзрачным мужичком ворота, повернул к строению и нырнул в поднятые ворота подземного паркинга. Контраст между тем, что было снаружи, и тем, что встретило внутри, был просто поразительным.

Если внешне была видимость полузаброшенного объекта, то внутри всё сияло стерильной чистотой, потолочные панели источали ровный яркий свет, а встречающие были облачены в медицинские изолирующие костюмы, которые уже примелькались в репортажах из российских больниц. Даже жутковато стало. Где-то краем мелькнула мысль о чёрных трансплантологах, которую, хохотнув про себя, я тут же отбросил. Кому я нафиг нужен?..

Меня очень бережно пересадили в навороченную инвалидную коляску и повезли к лифту. Вначале я подумал, что лифт пойдёт наверх, на второй или третий этаж, но, судя по ощущениям, он начал, убыстряясь, спускаться вниз. Довольно долго.

«Это же в какой Тартар меня везут?» – мелькнула мысль.

Почему-то вспомнилось далёкое прошлое. Детство, школа. Вспомнил, как впервые увидел Болека и Лёлика. Вообще-то они мне не родные братья. Их усыновили мои родители, и не без моего участия. Я тогда учился в седьмом классе. В нашей школе учились дети из детского интерната, расположенного неподалёку. И вот поднимаюсь я из расположенной в цоколе раздевалки и вижу, как известный на всю школу двоечник и хулиган Миха Штырь, он же Михаил Штыряев, из 8-го «Б» с двумя своими прихлебателями зажал в углу парочку мелюзги, по виду типичных ботаников, в одинаковых огромных очках. Да и внешне они были очень похожи друг на друга. Ну понятно, опять Михе на пиво не хватает, и он вытрясает мелочь из тех, кто ответить ему не может. А ведь мелкие-то из интернатовских. Нашёл у кого деньги шакалить, урод.

– Штырь, а ты берега не попутал? – разминая запястья, спокойным голосом спросил я. – Ты с кого трясешь, утырок?

Надо сказать, что ростом я был довольно высокий, плюс ко всему, почти 7 лет занимался самбо, да не простым, а боевым, с родным братом отца, дядей Сашей, который, по слухам, в своё время тренировал спецов ГРУ, пока не ушёл на пенсию по ранению. Сам он об этом не рассказывал, а на расспросы обычно отшучивался. Так что Штырь со своими шестёрками мне были не соперники, и они об этом прекрасно знали, уже пару раз получив от меня физические замечания.

– О, защитничек явился, – скривился Штырь. – Забирай этих шмакодявок и иди куда шёл.

Цикнув сквозь зубы, троица вразвалочку пошла в сторону буфета, по пути задирая всех встречающих.

Двое мелких молча стояли, глядя на меня сквозь свои несуразно большие очки.

– Ну давайте знакомиться, что ли, – вздохнув сказал я. Недавно прочёл Экзюпери, и фраза «мы в ответе за тех, кого приручили» всё ещё была свежа в памяти.

– Я – Борис, а это Лёня, то есть Леонид, – ответил тот, что чуть пониже. – А тебя мы знаем, ты нашей классной помогал перед пением гитару настраивать, тебя Витя Головин зовут, ты из 7-го «А», а мы – из 4-го «А».

– А ещё ты Штырь за школой побил, – добавил второй мелкий.

– Ха, Боек и Лёлик, – хохотнул я, вспомнив виденный не так давно мультфильм про двух непоседливых мальчишек. – Ну, пошли, а то на урок опоздаете. Кстати, Штырь у вас ничего не отобрал?

– Нет, – ответил Лёлик, улыбнувшись, – у нас и нет ничего.

Так я взял своего рода шефство над этими двумя забавными пацанами. Через пару месяцев поговорил с их воспитательницей из интерната и пригласил ребят к себе домой. Родители их закармливали так, что они оба стали похожи на два раздувшихся шара. Потом уже мои родители стали забирать пацанов на выходные, а через год и вовсе усыновили. Так у меня появились два брата.

Отец был инженером-строителем. Как о нём говорили, таких спецов, как он, на весь Союз можно было по пальцам пересчитать. Наверное, поэтому, когда случилась авария на Чернобыльской АЭС, его одним из первых отправили туда. Там он просчитывал на месте возможность строительства саркофага над реактором, там и нахватался доз радиации, что здоровья ему не добавило.

Мать работала ведущим инженером-проектировщиком в одной из организаций при Госстрое СССР.

С развалом Союза работы у родителей стало всё меньше и меньше. Закрылись организации, в которых работали и отец, и мать. Стало довольно тяжело жить. Вскоре отца позвали работать в открывшееся СП, совместное предприятие с немцами. Появившиеся «новые русские» начали активно строить особняки и дворцы. Возник спрос на проекты и строительные фирмы. Материальное положение семьи значительно улучшилось.

В 1993 году я закончил школу с серебряной медалью (на английском засыпался и вместо ожидаемой пятёрки получил четыре) и, к ужасу родителей, поехал поступать в десантуру, в РВВДКУ. Сказалось долгое общение с дядей Сашей. Уже в поезде полез разнимать подвыпивших и чего-то не поделивших соседей по купе и получил нож в бедро. О десантуре пришлось забыть. Но не о желании стать военным. Военком предложил на следующий год попробовать поступить в другое училище, а до того времени пойти куда-нибудь учиться, хоть в ПТУ, чтобы не попасть под осенний призыв этого года.

В ПТУ вытаращили глаза на школьного медалиста, возжелавшего освоить профессию машиниста мостового крана, но документы приняли. И вот я уже сижу в учебном классе, в котором собрались двадцать человек, из которых пятеро парней и пятнадцать девчонок. К моему удивлению, все одноклассники оказались очень даже хорошими ребятами и девчатами. Вот и верь рассказам про пэтэушников, которые все поголовно пьянь и рвань. Да и учиться было интересно. И досуг проводили весело, устраивая дискотеки по выходным, пару раз даже сходили в поход.

Учёба далась без каких-либо проблем, и, получив свой заслуженный красный диплом и собрав документы, я буквально на следующий день, уступив мольбам родителей, поехал поступать в инженерно-строительный вуз. Продолжать, так сказать, семейную династию. Поступил, хотя это было непросто, и начались мои студенческие будни.

К тому времени Болек и Лёлик окончили школу, оба с золотыми медалями, и готовились поступать в вуз. Болек – на физмат в МГУ, Лёлик – на химфак, тоже в МГУ.

Письма из дома приходили часто, мать писала об успехах братьев, но чувствовалась какая-то недоговорённость. Так-то дела дома шли хорошо. Отец организовал строительную фирму. Было много подрядов на строительство. Денег хватало и на поддержку трёх студентов.

И вот в начале четвёртого курса из дома пришла весть, что отца парализовало. Чернобыль догнал его. Состояние было крайне тяжёлым. Мать выбивалась из сил, ухаживая за отцом. Деньги утекали рекой. Первым порывом было бросить учёбу и рвануть домой, чтобы хоть как-то помочь. У Болека и Лёлика мысли были точно такие же, о чём они мне и написали. Пришлось на них рывкнуть, чтобы даже не думали о ерунде и продолжали учиться. Мать в письмах и по телефону успокаивала меня, что отцу становится лучше и всё обойдётся, но в декабре 1997-го его не стало.

Через две недели после похорон мать возвращалась из магазина, и её ударил по голове железным прутом парик, которому не хватало денег для дозы. Мать впала в кому. Тут уж пришлось мне бросать учёбу и ехать ухаживать за мамой. Все накопления, что были, ушли на лечение отца. Пришлось продавать шикарную квартиру и покупать скромную двушку, а оставшиеся деньги пустить на лечение матери. Фирму отца давно уже обанкротили и разобрали на части, так что и с этой стороны было глухо. Однако ничего не помогло, и мать умерла, так и не придя в сознание. Так я остался без родителей. Дядя Саша к тому времени тоже уже умер, сказались старые раны.

Остро встал вопрос, как жить дальше. Из образования – лишь диплом ПТУ да справка из института об окончании трёх курсов и военной кафедры и присвоении звания лейтенанта запаса. А надо ещё и братьев поддерживать. Пришлось идти работать на завод. Вспомнить свою первую специальность.

Работал в «горячем» цеху на кране. Повезло, что зарплата была хорошая, которую хоть и задерживали, но не так сильно, как на других предприятиях. Поступил на вечернее отделение вуза на специальность «инженер-механик». По справке взяли сразу на третий курс. Так и жил. Со смены, если утренняя, бежал домой, быстро перекусывал – и бегом в институт. Если работал с обеда, то на занятия бежал с утра пораньше. Перед ночными – так же вечером на учёбу и сразу на смену в цех. Зарплаты, в принципе, только-только хватало, чтобы заплатить коммуналку, купить недорогих продуктов да выслать немного денег вечно голодным студентам.

Занятия самбо я не забросил, благо ещё в своём первом институте близко сошёлся с преподавателем физической культуры, который был настоящим гуру в рукопашке. От него узнал много нового, да ещё увлёкся китайской гимнастикой «тайцзицюань»¹. Вот теперь это и пригодилось. Начал вести по выходным платную секцию по ушу. Договорился о спортзале в родном вузе. Я вёл секцию, а они отчитывались о проведении спортивно-массовых мероприятий. Ну и долю малую им отстёгивал. Куда же без этого.

Болек с Лёликом, эти два молодых гения, смогли получить гранты на продолжение обучения за границей и улетели в страну «вероятного противника». Стало немного легче.

На одном из занятий секции ушу увидел новенькую молодую симпатичную девчонку. Заглянул ей в глаза и понял, что пропал. После тренировки пошёл провожать. Марина, так звали прекрасную брюнетку, жила буквально в двух кварталах от института, но мы шли это расстояние несколько часов. Говорили и не могли наговориться. Через два месяца сыграли скромную свадьбу. Марина предлагала просто расписаться, но я хотел, чтобы у неё всё было красиво, благо денег к тому времени немного подкопил. Так что и белое платье, и кольца, и

¹ Тайцзицюань (тай-чи) – буквально: «Кулак Великого Предела»; китайское внутреннее боевое искусство, один из видов ушу. Популярно как оздоровительная гимнастика, но приставка «цю-ань» (кулак) подразумевает, что тайцзицюань – это боевое искусство.

разукрашенная лентами машина. Всё было. И ресторан, в котором, хоть и довольно скромно, посидели с друзьями. Мои братья далеко, у Марины тоже лишь тётка.

Поначалу жили очень скромно, но постепенно жизнь начала налаживаться. С одним товарищем организовали фирму по монтажу и обслуживанию систем КИП и автоматики на нефтегазопроводах, благо у товарища был родственник, входящий в круги нефтяников и газовиков. В семье появился достаток. К тому времени уже родился сын. Болек с Лёликом вернулись из Америки и работали в каком-то НИИ с непроизносимым названием. Ну а потом всё и произошло, и весь мой мир рухнул...

Вот и лифт остановился. Это на какую же глубину меня завезли?

Человека, сидевшего передо мной, можно было принять за кого угодно, но точно не за профессора. Как говорится, увидишь раз – и тут же забудешь. Одень его в спецовку, и от работы не отличишь. И всё же... Было в нём что-то такое, что сразу не бросалось в глаза, но со временем как бы всплывало из глубин сознания. Цинизм какой-то, в большей степени присущий давно практикующим врачам. Взгляд... Ну, таким взглядом, наверное, смотрят на подопытную мышь, которой вкололи доселе неизвестное вещество, и теперь с интересом глядят, как та отреагирует.

– Ну что же, Виктор Андреевич, – начал профессор, – говорить о том, что рад нашей встрече, я не буду. Это будет, учитывая ваши обстоятельства, не совсем корректно. Но всё же в какой-то мере я действительно отчасти рад. В сложившейся ситуации вы для нас идеальный вариант, но об этом несколько позже.

Далее профессор (Антонов Дмитрий Сергеевич, как он представился) довольно долго и достаточно подробно рассказал о сути того, что мне, в случае согласия, предстояло сделать. М-да, ну что тут скажешь? Фантасты отдыхают и нервно курят в сторонке.

Началось всё ещё в 60-х годах XX века, когда в СССР озаботились созданием систем маскировки, позволяющих сделать объект невидимым во всех спектрах, включая видимый диапазон. Что-то вроде аналога «филадельфийского эксперимента», когда американцам якобы удалось сделать невидимым эсминец «Элдридж», да ещё и телепортировать его на довольно большое расстояние. Ну, с американцами до конца так и не ясно, было или нет, а вот советским учёным кое-что удалось. А удалось им ни много ни мало пробиться в другое измерение.

Беда была в том, что любой материальный объект мгновенно аннигилировался. Было проведено множество экспериментов и исследований, пока однажды не выяснили, что информация в виде электромагнитного излучения определённой частоты проходит свободно. Тут кто-то вспомнил об экспериментах ещё 1920-х – 1930-х годов, когда пытались перенести сознание одного человека в тело другого (а что такое есть наше сознание, как не то самое электромагнитное излучение?). Откопали в старых архивах всё, что там сохранилось, стряхнули с этого пыль и начали думать, что к чему приложить. Появилась идея забросить сознание человека в это самое измерение и посмотреть, что там и как.

– Все эти измерения, – продолжал профессор, – на самом деле являются более-менее идентичными. Это как ветки, отпочковывающиеся от единого ствола. Мы их называли струнами. Где-то когда-то произошли некоторые изменения в ходе течения реальности в основном стволе, и от него отпочковалась новая ветвь, уже со своим течением времени. Например, где-то Тунгусский метеорит отклонился на долю градуса и пролетел мимо Земли. И в той реальности кто-то не вдохновился этим событием и не совершил какое-то открытие, а как итог, там люди так и не вышли в космос. А где-то метеорит, наоборот, вошёл в атмосферу чуть раньше и полностью уничтожил Санкт-Петербург. И таких ветвей-струн бесчисленное множество.

Проблема в том, что для того, чтобы пробиться из одной струны в другую, нужно огромное количество энергии. Причём пробой получается со смещением во времени относительно нашего. И смещение это направлено в прошлое примерно на 90 лет. В миры будущего проникнуть теоретически можно, но, по расчётам, энергии потребуется просто огромное количество.

ство. Примерно на уровне звёздной энергии. И пробой в каждый отдельный мир возможен лишь один раз. Тут действует какая-то неизвестная пока сила, препятствующая повторному пробоям. Да и наблюдение за этим миром после пробоя возможно лишь крайне непродолжительное время. Потом мир-струна начинает как бы отдаляться, и энергии для наблюдения требуется всё больше и больше.

С заброской сознания тоже не всё так просто. Во-первых, это возможно лишь между родственниками, если считать родственниками родившихся в разных измерениях. Тут всё завязано предположительно на ДНК, которое в том числе является как бы ключом к частотам излучения сознания. А во-вторых, реципиент должен быть либо без сознания, либо в состоянии клинической смерти, либо в состоянии глубокого сна, но в последнем случае энергии для переброса потребуется на несколько порядков больше. К сожалению, следствием переноса является полное стирание личности реципиента. Хотя, по расчётам, вся его память и все его знания должны сохраниться. Но, к сожалению, всё это теория, которую ещё предстоит проверить, надеюсь, с вашей помощью. Никто вас не торопит и не принуждает, но времени для подготовки, учитывая известные обстоятельства, у нас совсем не много.

М-да, задачка. С одной стороны, становиться подопытным кроликом как-то не хочется, а с другой – что мне терять-то? Осталось трепыхаться не так уж и много.

– Ну что же, Дмитрий Сергеевич, терять мне всё равно уже нечего, так что я согласен. Только у меня вопрос: а в кого вы меня собираетесь перебросить?

– А что вы знаете о своих предках? – прищурившись, спросил проф. – Вот вы, Виктор Андреевич, например, знаете, что принадлежите к старинному дворянскому роду? Что у вашей бабушки по отцовской линии был родной старший брат, который умер подростком в тридцать втором году? И что ваша бабушка Анастасия Михайловна никогда не меняла фамилию, и вашему батюшке досталась фамилия предков?

Если честно, то сказанное профессором стало для меня новостью. Я всегда был уверен в своём пролетарском, так сказать, происхождении.

Бабу Настю я помнил. Милая добрая бабушка с нелёгкой судьбой, пережившая всю блокаду Ленинграда, куда приехала учиться из Сибири, с первого и до последнего дня. Однажды я, когда гостил у неё, нашёл в коробке со старыми письмами и вырезками из газет коробочку с орденом Красного Знамени и медалями «За оборону Ленинграда» и «За Победу над фашистской Германией», а также удостоверениями к ним на имя Головиной Анастасии Михайловны. Сколько ни расспрашивал бабушку, она так и не рассказала, откуда эти награды. Всё отшучивалась, что уже и не помнит, что там было. Рассказал отец.

Во время блокады бабушка работала учителем в школе. Удивительно, но факт. Школы продолжали работать всё время блокады, хотя и не все. Учились в основном младшие классы. Те, кто был постарше, помогали фронту, работали на фабриках и заводах, дежурили в пожарных командах. Уроки были по 20–25 минут, да и те часто прерывались бомбёжками, и тогда занятия продолжались в подвалах, превращённых в бомбоубежища.

Вот во время одной из таких бомбёжек, когда дети уже спустились в подвал, во дворе школы разорвалась немецкая бомба, и осколками убило весь расчёт находящегося там зенитного орудия. Бабушка бросилась к орудию, надеясь, что кто-нибудь выжил и ему требуется помощь. Живым оказался лишь один из расчёта, в окровавленной шинели с кубиком в петлице.

– Стреляй, – чуть слышно прохрипел он и умер.

Бабушка часто видела, как стреляют из зенитки, поэтому бросилась к орудию, а на школу уже заходила очередная пара «юнкеров». Ствол зенитки был повернут в нужную сторону, и оставалось только забраться на сиденье и нажать на педаль спуска, благо полная обойма снарядов уже была заряжена.

Зенитка затряслась от очереди, и все пять тридцатисемимиллиметровых снарядов понеслись навстречу пикировщикам. А дальше произошло чудо: ведущий «юнкерс» напоролся бом-

бами на очередь и взорвался в воздухе, а второй самолёт словил снаряд прямо в кабину пилота и рухнул, перелетев здание школы.

Прибравшие военные застали картину развороченной взрывом площадки с лежащими убитыми зенитчиками и ревушей молодой девчонкой, сжавшейся в комок на месте наводчика. Подскочивший политрук сказал, что первый раз такое видит, когда совершенно не подготовленный человек, да ещё и хрупкая девушка, одной очередью сбивает сразу два бомбардировщика.

Вот за это бабушку и наградили орденом, выдали пару буханок хлеба, несколько банок тушёнки и, что бабушка посчитала особенно ценным, большую банку вишнёвого варенья. Хлеб, тушёнку и варенье бабушка разделила среди своих учеников. Ну а после прорыва блокады наградили ещё и медалью. И ещё одну медаль вручили уже в 1945-м году, после Победы.

Такая вот у меня была бабушка, души не чаявшая в родном внуке, которого называли Виктором по её просьбе, и в двух приёмных внуках, ставших для неё такими же родными.

И вот теперь мне предстояло занять место её брата. Профессор клятвенно заверил, что тогда он, то есть я, на все сто процентов выживу. Более того, моя психоматрица подтянет тело реципиента к более высоким показателям. Например, улучшатся память, внимание, выносливость. Это всё плюс к тем знаниям, которые мне запишут непосредственно в подсознание. Оказывается, в своё время и такие исследования проводились в лабораториях КГБ. Болезни мне тоже будут не страшны. Так, во всяком случае, говорят расчёты. Ну что же, как говорится, поехали.

И начался ад.

Интерлюдия (где-то в фешенебельных апартаментах Москва-Сити)

– Ну что, профессор, как продвигается подготовка? – спрашивающий, одетый в типичный для чиновника тёмно-синий костюм, стоял спиной к собеседнику и смотрел сквозь огромное окно на распростёртый внизу мегаполис.

– Всё идёт в соответствии с графиком. Пока серьёзных отклонений нет, а мелочи на дальнейшую работу не влияют.

– Как ваш подопечный?

– Работает со всем старанием. У него и выбора никакого нет. Или смерть, или хоть какой-то шанс.

– Какую информацию вы в него закачиваете?

– Разнообразную. Этим занимаются два его родственника, которые мне помогали с исследованиями. Записывают координаты месторождений, различные технологии в разных отраслях, чертежи, информацию по экономике, политике.

– Они не мешают нашим планам в последующем? Может, от них лучше избавиться сейчас? – Хозяин апартаментов обернулся на профессора.

– К сожалению, они необходимы. Методика записи в подсознание доработана именно ими, и если происходят какие-либо сбои, то только они оба могут быстро купировать негативные последствия. Увы, но заменить их просто нечем. Обучение новых сотрудников займёт слишком много времени и увеличит число посвящённых. К тому же они будут полностью уверены, что мы спасли их родственника от смерти, и будут нам верны и благодарны.

– Какие дальнейшие планы?

– Заброска состоится в ближайшие дни. Затем только пассивное наблюдение, но не более месяца. Через месяц миры начнут отдаляться друг от друга, и канал связи разорвётся. За это время сознание полностью возьмёт под контроль память и тело реципиента. Возврат лучше провести раньше, скажем, через три недели, иначе может не хватить энергии для обратного переноса. После этого мы проверим, что из записанного в подсознание сохранилось. Если у объекта сохранится хотя бы половина информации, то эксперимент можно считать успешным.

– Что будете делать с родственниками?

– За несколько дней перед возвратом объекта отправим их в питерский филиал. За это время произведём возврат объекта, снимем все данные, проверим сохранность информации и её полноту, а затем – эвтаназия и утилизация. Этим буду заниматься непосредственно я, а также пара моих верных ассистентов. Один из них – отличный специалист по получению нужной информации из любого, так сказать, подопечного. Выпотрошит в лучшем виде.

– Ассистентов после проведения всех мероприятий необходимо ликвидировать, – жёстко произнёс «тёмно-синий» и, увидев недовольную гримасу на лице профессора, продолжил: – Вы должны понимать, какие это деньги, поэтому необходимо исключить малейшую вероятность утечки информации. Если всё пройдёт как вы предполагаете, то можно будет выходить с конкретными предложениями к определённым людям, обладающим большими деньгами и желающим прожить ещё одну жизнь, хоть и в другом мире, имея значительный багаж знаний. А это многие и многие миллиарды, и, как вы понимаете, отнюдь не рублей. Так что сантименты тут неуместны. Родственники пусть пока продолжают работать, но готовьте им замену, либо добейтесь их полной лояльности. Отправляйтесь к себе и готовьтесь к заброске вашего подопечного. О точной дате возвращения объекта сообщите заранее, я буду присутствовать при этом и при последующих допросах.

Профессор молча кивнул и, повернувшись, вышел за дверь. Хозяин апартаментов вновь вернулся к созерцанию города у своих ног. Всё шло просто замечательно, впереди ожидали безграничные власть и богатство, а в перспективе, когда придёт время, и новая жизнь.

Интерлюдия (в то же время за много километров от Москва-Сити)

Двое молодых мужчин сидели на кухне в квартире, из которой совсем недавно увезли своего брата. Перед ними на столе стоял ноутбук, на голове у обоих были надеты наушники. Хитрая программа, с таким трудом инсталлированная в смартфон их научного руководителя, позволяла незаметно для владельца включить режим прослушки. И сейчас они слушали фактически вынесение смертного приговора тому, кто стал для них родным и подарил им семью и будущее.

– Вот твари! – зло сорвав наушники выругался один из них. – Что делать будем?

– Не психуй, Болек. Давно уже было понятно, что с этими исследованиями не всё чисто, но это был единственный шанс спасти брата... – С этими словами он набрал на клавиатуре несколько символов, и на смартфон профессора ушла команда, удаляющая шпионскую программу и все её следы. – Лабораторию необходимо уничтожить, но так, чтобы вместе с ней уничтожить и всех посвящённых. Желательно вместе с этим господином.

– Подожди, Лёлик. – Между собой они всегда называли друг друга так, как их когда-то в шутку назвал брат. – А как же Витя?

– Витю надо забрасывать. Потом проконтролировать процесс адаптации в новом теле и уже после уничтожить лабораторию. Думаю, что неделя-полторы, а может, и поболее, после заброски у нас точно будет до того, как нас отошлют в Питер. До этого времени надо подключиться к охранной системе и системе управления реактора. Он как раз под лабораторией, и его взрыв уничтожит все следы. А учитывая глубину нахождения комплекса, радиоактивного выброса на поверхность не будет. Перед самым возвращением Вити реактор начнут выводить на полную мощность, по достижении её наша программа скачком выведет его на закритический режим работы и заблокирует аварийное отключение. От срабатывания аварийной сигнализации до взрыва пройдёт не более 30 секунд. Эвакуироваться не успеет никто. А учитывая имеющееся под реактором устройство самоликвидации в пару Хиросим мощностью, то и под землёй следов никаких не останется, да и надземному комплексу достанется.

– Хм. До приезда этого неизвестного господина они Витю точно возвращать не будут. Нас отошлют заранее, и это будет сигналом к полной готовности. Ну что же, будем действовать.

Сейчас заберём то, зачем мы якобы приезжали, и возвращаемся. Кстати, может, Вите ещё что-нибудь подгрузить полезного?

– Нет, всё. Его мозг и так работает на пределе. Слишком много ненужного ему загрузили. Хорошо, что удалось вместе с этим мусором подгрузить и нужную информацию. Боюсь, что он больше ни одного бита дополнительно не выдержит. Надеюсь, наша закладка сработает, и в момент переноса всё ненужное будет стёрто, правда, и мозг будет фактически отформатирован. Ну да там Вите будет уже всё равно, что случится с его мозгом здесь. А насчёт неизвестного господина, то тут тоже не всё так просто. Слишком уж знакомый голос у него. Этот голос довольно часто слышно из телевизора.

Глава 2

Ну вот и настал тот самый день. Сегодня я либо исчезну навсегда, либо очнусь уже в другом теле, в другом времени, в другом мире. Скорее бы, хотя, конечно, и потряхивает от переживаний. Последние несколько недель дались особенно тяжело. Почти всё время провёл с надетым на голову шлемом футуристического вида, посредством которого в мою многострадальную голову загружали информацию. Голова болела так, что хотелось её оторвать и отбросить куда подальше. И обезболивающие препараты принимать нельзя, так как мог произойти сбой при загрузке. Зато теперь, если всё пройдет благополучно, мне надо лишь сосредоточиться и мысленно послать запрос в свой мозг, и любая из имеющейся информация будет доступна.

Хорошая технология, но фактически никому не доступная. Вся проблема в том, что после такой загрузки мозг долго не живёт. От силы несколько месяцев, да и то в случае нахождения под наблюдением специалистов. Со мной всё проще: мне здесь не жить, а там все знания будут уже полностью моими.

За пару часов до заброски ко мне пришли Борис с Леонидом. Мы обнялись. В глазах у них стояли слёзы.

– Ну что, прощайте, братья. – У меня у самого комок стоял в горле и в глазах щипало. – Спасибо вам за всё, что вы для меня сделали. Простите, если что было не так. Присмотрите там за могилками.

– Прощай, брат! – Боек всхлипнул, как когда-то давно в детстве. – Тебе спасибо за всё, что ты для нас сделал. Прости, если когда обидели чем-то тебя. Мы всё сделаем. И за твоими присмотрим, и тебя никогда не забудем.

Лёлик молча обнял меня и, прильнув к уху, тихо прошептал:

– Как очнёшься, вспомни про письмо.

– Пора. – Профессор, заглянувший в дверь, был немногословен.

И вот я лежу в камере переноса на довольно удобном ложе, весь опутанный проводами, обклеенный датчиками, с воткнутыми в вены катетерами, а на голову мне опускается шлем с глухим забралом. Сознание медленно уплывает, пропадает ощущение тела, наступает какое-то умиротворение, которое через мгновение взрывается адской болью. Даже не так. Не болью, а БОЛЬЮ. При этом не понятно, что именно болит. Боль не локализована где-то, она повсюду. Кажется, что ты плывёшь в этой самой боли. Хочется кричать. И даже не кричать, а вопить от боли, но и этого сделать не получается, потому что кричать-то, по сути, нечем. Болит не тело, болит само сознание. И ты не можешь ни думать, ни осознавать себя. Существует лишь БОЛЬ. И ты пронизан ею, и ты живёшь в ней.

Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Боль, всепоглощающая боль вдруг схлынула, затаилась где-то в глубине сознания, а на смену ей пришёл СВЕТ. Он был повсюду, обтекал сознание, лаская в своих нежных потоках. Внезапно свет начал как будто уплотняться. Я не видел это, я это чувствовал. Свет превратился в крохотную точку, и эта самая точка ослепительного света вошла в моё сознание, растворяясь в нём. И наступил покой.

– Дядька Андрей! Дядька Андрей! – пронзительно громко закричал тоненький девчачий голос на мою попытку открыть глаза. – Витюша очнулся.

Моя попытка увидеть крикунью не увенчалась успехом. Вернее, не так, увидеть-то я увидел, вот только глаза при этом так и не смог открыть. Лишь сквозь окружающую тьму проступил чуть светящийся силуэт человеческой фигуры.

– Ох, ты ж, Господи, Пресвятая Богородица! Слава Богу, в себя приходить начал! – Вместе с мужским голосом в поле, так сказать, зрения появился второй силуэт, повыше первого. – Беги, дочка, за Шэн-ли и за бабкой Дарьей.

Так, надо прийти в себя. Похоже, что перенос прошёл нормально, и я нахожусь в теле брата своей бабушки, который должен был умереть. Попробую добраться до памяти рецепиента (тьфу ты, блин, сказывается долгое общение с умниками из лаборатории).

Так, что мы имеем? А имеем мы пятнадцатилетнего раздолбая, зачем-то полезшего на кедрач. Хотя понятно, зачем. Решил для сестрёнки достать из дупла маленького соболя. Ну и, как и следовало ожидать, сорвался с высоты и хорошо приложился головой о корневище. Видимо, это и привело к коме и последующей смерти. Но это в той, другой реальности. Теперь здесь я, а значит, как говорится, будем жить.

Так, теперь надо сосредоточиться на своём новом теле и понять наконец-то, почему я не могу открыть глаза, но тем не менее вижу светящиеся силуэты. Прямо как будто аура. Так, стоп! АУРА! Блин, это что, получается, что либо носитель обладал экстрасенсорными способностями, либо они появились уже у меня после переноса? Так-так-так, думаем.

При переносе я ощущал боль (бррр, лучше не вспоминать), а потом появился свет, который вошёл в моё сознание и растворился в нём. Судя по памяти носителя, прежде у него не было никаких таких способностей. Это что же получается, что процесс переноса ещё и делает экстрасенсом? Да уж, как пишут на сайтах альтернативной истории, это рояль, и рояль не маленький. А учитывая то, что мне буквально вбили в память, то это уже просто рояльный оркестр.

Осталось только дожидаться полного слияния сознания и выяснить, что из тех знаний сохранилось после переноса. Ну и исполнить, так сказать, священный долг всех попаданцев. Как шутили на форумах альтистории, каждый уважающий себя попаданец обязан перепеть Высоцкого, приделать к танку (ха-ха) промежуточную башенку и изобрести командирский патрон (ха-ха-ха). Ну да всему своё время, а пока надо приходить, так сказать, в нового себя.

Пока я предавался размышлениям, появился новый светящийся силуэт. Вроде и похож на те, что были прежде, но всё же чем-то отличается. Силуэт, ни слова не говоря, подошёл ближе, и от него в мою сторону протянулись два отростка. Ага, это он руки ко мне протягивает.

И тут я почувствовал прикосновение чьих-то пальцев к своему лицу. Это было первое тактильное ощущение в новом теле. До этого я вообще ничего не ощущал. Между тем пальцы неизвестного человека легли на мои веки и плавно подняли их. Глаза ослепило от света, и я смог разглядеть сквозь проступившие слёзы размытые очертания склонившегося надо мной человека.

– Халасо, осень халасо, – с явным китайским говором произнёс пришедший.

Он убрал руки, и глаза опять закрылись, но теперь уже я сам, хоть и с трудом, смог их открыть. Свет слепил, и приходилось промаргиваться, чтобы хоть что-то увидеть.

– Ну-тка, погодь, Витюш, глаза-то я твои протру, – произнес, судя по голосу, тот самый дядька Андрей и склонился ко мне с какой-то тряпицей в руках.

В это самое время из-за двери послышались чьи-то торопливые шаги и запыхавшийся женский голос.

– Уф, Настёна, скаженная. Да нешто я могу поспеть за тобой? Погодь, дух переведу, а то аж сердце зашлось.

– Не торопись, Дарья Степановна, всё у нас в порядке. Тут Шэн-ли пришёл в аккурат перед тобой, говорит, что всё хорошо. – Дядька Андрей выглянул за дверь встретить пришедших. Из-под его руки проскользнула фигурка в сарафане и со слезами метнулась ко мне.

– Витюшенька, братик, ожил наконец-то. А я так боялась, так боялась. Я звала, звала тебя, а ты лежишь, и не говоришь, и почти не дышишь... – девчонка уткнулась лицом мне в грудь и заревела в полный голос.

– Ну, будя тебе мокроту разводить, будя, – сказала подошедшая статная женщина. – Раз очнулся, значит, выкарабкается. Дай-ка я тебя, соколик, посмотрю.

С этими словами она села туда же, где до неё сидел китаец, и начала ощупывать мою голову, а затем и шею. Потом попросила повернуть меня на бок, прошлась руками вдоль позвоночника. Что интересно, аура у неё переливалась всеми цветами радуги. У остальных тоже были различные оттенки ауры, но у неё это было видно особенно.

Меня вновь положили на подушку, и я увидел внимательный взгляд пронзительно зелёных глаз, направленный на меня. Сколько мы так смотрели друг другу в глаза, не знаю, но раздавшееся покашливание дядьки Андрея заставило разорвать зрительный контакт.

– Хм, интересно, – задумчиво произнесла бабка Дарья (Хотя какая там бабка? На бабку она возрастом точно не тянула. От силы лет 55 на вид, не больше.). – Чудны дела твои, Господи.

Снова раздалось покашливание, и дядька Андрей спросил у целительницы (а больше никем пришедшая не могла быть):

– Ну, что скажешь, Дарья Степановна? Как он?

– Всё с ним будет хорошо, – по-доброму улыбнувшись, ответила она. – Теперь, – особо выделила она это слово, – с ним точно всё будет хорошо. Сейчас дам ему отвар, чтобы спокойно поспал и сил набирался, а вы жидкую наваристую мясную похлёбку ему сготовьте, чтобы, как проснётся, мог ее попить. Да много сразу не давайте. По первости полкружки, и будя. Ежели удержит в себе, то чутка погода ещё столько же дайте. А там и по полной поите. Подай-ка мне, Настёна, суму мою.

Достав из сумы стеклянную бутылку с деревянной пробкой, целительница отлила из неё в кружку какую-то чёрную, как дёготь, жидкость. Затем взяла чистую тряпицу, смочила в той самой жидкости и поднесла к моим губам.

Едва влага коснулась губ, как я почувствовал страшную жажду. Казалось, что я весь изнутри полностью высох и сейчас просто осыплюсь пеплом. Протерев влажной тряпицей мои иссохшие губы, тётка (так буду ее называть, на бабку она не очень-то и похожа) Дарья выжала несколько капель в приоткрытый рот. Боже, какое это было наслаждение! А когда в пересохшее горло устремился тоненький ручеек жутко горькой жидкости, то я понял, что ничего слаще до сих пор ни в той, ни в этой жизни не пил. Хотелось пить и пить этот нектар, но, увы, много мне не дали.

Накатилась какая-то тяжесть, глаза закрылись, и я провалился в сон. Именно в здоровый спокойный сон, а не в мрачное забытьё.

А в это время во дворе состоялся очень интересный разговор.

– Спасибо тебе, Дарья! – Дядька Андрей склонил голову в знак благодарности. – Я как на промысел пойду, так тебя отблагодарю дичинкой.

– Погодь, Андрей, пустое то, – задумчиво глядя на дверь избы, сказала целительница. – Я что тебе сказать хочу. Дар, похоже, пробудился у крестника твоего. Пока слабенький, но может и развиваться. Так что ты его ни к чему не принуждай, пусть сам свой путь сыщет. И пусть к нему походит китаец Шэн со своими иглами. Хуже не будет. А и пойду я. Будь здоровым, Андрей. Завтра поутру зайду проведать.

– Ох, ты ж, Господи, – дядька Андрей перекрестился. – Откуда ж взялся-то тот Дар?

– То я не знаю, – ответила Дарья. – Часто Дар просыпается, когда человек побывал за гранью и вернулся, как крестник твой. Иной раз он по наследству передаётся. А был ли кто у него в роду с Даром или нет, того мы не знаем. Сам знаешь, какого он с сестрой своей Анастасьей рода.

– Я-то знаю, а вот откуда это знаешь ты? – прищурившись, словно целясь, спросил дядька Андрей, в прошлом старший урядник Донского казачьего войска Селивёрстов, денщик при подполковнике Головине Михаиле Николаевиче.

– Охолонись, Андрей Григорьевич. То только ты да я знаем. Мать их, Царствие ей Небесное, незадолго до смерти рассказала, просила присмотреть за детьми и помочь им, коль нужда такая будет.

С этими словами целительница повернулась и неспешно пошла к себе домой, оставив во дворе задумчивого дядьку Андрея.

Проснулся я от того, что почувствовал на себе чей-то взгляд. Довольно странное ощущение. Как будто кто-то чуть заметно касается тебя. И это прикосновение было каким-то добрым, что ли. Не открывая глаз, я опять увидел светящийся силуэт и попытался сосредоточиться на нём. Судя по всему, это была моя молодая бабушка Настя. Хотя, наверное, надо прекращать называть её бабушкой. Здесь и сейчас она совсем ещё девчонка, а я, если не вдаваться в подробности, её родной брат. Но сколько же от неё исходило любви, нежности и радости, правда, в этот момент смешанных с тревогой.

Хм, это что, я уже эмоции различаю? Так, надо прекращать расстраивать сестрёнку и открывать глаза. Больше мне пока никакие части тела не подчинялись.

Блин, это что, я всё делал под себя? Опять, как сразу после аварии? И ей приходилось убирать за мной и мыть меня? Бедненькая моя, досталось же тебе. Ну да, надеюсь, это ненадолго. Профессор и Болек с Лёликом говорили, что адаптация продлится не более месяца, а потом сознание полностью возьмёт тело под контроль.

– Ой, Витюшечка, проснулся! – Едва я открыл глаза как меня буквально затопила волна счастья. – А я тебе бульон сварила, как бабка Дарья велела. Сейчас принесу, и ты покушаешь.

Настя метнулась за занавеску, которой была отгорожена моя лежанка, и буквально тут же вернулась, неся в руках кружку.

Приподняв мне голову, она поднесла к моим губам край посуды, и тут мне в нос ударил аромат наваристого бульона. Оказывается, до этого я вообще не чувствовал никаких запахов. Честно говоря, и дальше бы мне их не чувствовать. Вместе с ароматом вкуснейшего варева в носшибанул поток других запахов, и не все они были приятными. От неожиданности у меня даже дыхание перехватило. Настя, увидев это, не на шутку испугалась. Её аура в районе груди полыхнула тревожно-красным. Захотелось как-то её успокоить, обнять, погладить по голове.

И тут произошло совсем уж непонятное. Я увидел своим вторым (буду его так называть) зрением, как от меня в сторону Насти потянулась словно бы ветка дерева. Своими веточками-отростками она огладила девочку по голове и, прикоснувшись к исходящему из груди красному мерцанию, влила в него светло-золотистого света. Мерцание успокоилось и, как горящий огонь, постепенно сошло на нет. Тревога в глазах Насти тоже пропала.

– Ой, прости, братик, тебе, наверное, горячо... – И она начала, смешно наморщив нос, дуть в кружку. Затем попробовала губами варево и опять поднесла мне ко рту.

Теперь я уже был готов и отреагировал спокойно, а через мгновение мне в рот потекла тоненькая струйка бульона. Блин, а глотать-то я не могу. Не получается. Вчера тётка Дарья свой отвар влила в меня, что называется, самотёком. Вкуснейший бульон тем временем потёк мне на подбородок и на шею. Ну, ё-моё! Жалко-то как. И тут я неосознанно сделал небольшой глоток. Ура!!! Заработало!!! А сколько радости было в глазах Насти, когда я выпил весь бульон до конца.

Я лежал, прикрыв глаза, и с меня потоками тёк пот. Как в бане в парной. И это с полкружки бульона. Голова наполнилась тяжестью, и клонило в сон. Но тут я почувствовал присутствие ещё одного человека. Похоже, тётка Дарья пришла. Больно уж аура у неё характерная.

– Здравствуй, Настёна, – послышался знакомый голос целительницы. – Ну, как вы тут? Как наш болящий? И чегой-то дядьки твоего не видать.

– Ой, здрасти, бабка Дарья, – радостно вскинулась Настя. Похоже ойкать у неё войдёт в привычку. – Всё хорошо у нас. Я шулю² сварила и Витюшу бульоном напоила. Как вы велели, полкружки дала. А он всё сам выпил, и его не стошнило. Только потом весь исходит. Уж я

² Шуля (шулюм) – крепкий, наваристый суп из дичины, который готовят в Забайкалье. Рецепт принадлежит казакам, которые в военных походах хотели основательно подкрепиться. Иногда шулю готовят из рыбы.

его вытирала-вытирала, а он всё идёт и идёт. А дядька Андрей в Чагоян уехал с самого ранья. Шкуры и мёд повёз сдавать, новости узнать. Обещал к вечеру вернуться.

– Ну, давай посмотрим твоего Витюшу...

С этими словами тётка Дарья откинула занавеску и подошла к изголовью. Прикрыв глаза, она протянула к моей голове раскрытые ладони и остановила их сантиметрах в десяти от меня. Своим вторым зрением я увидел, как в мою сторону от её рук потянулись тоненькие светящиеся веточки (хотя точнее было бы назвать их щупальцами, но это звучит немного неприятно).

Это что, она собралась залезть ко мне в голову? Ага, счасзз. Сосредоточившись, я протянул навстречу свои ветви, а они были заметно ярче и толще, и мысленно слегка шлёпнул ими по чужим. Ха, шок – это по-нашему. Глаза целительницы распахнулись. Никогда не видели глаза размером с блюдца? А я вот увидел. Тётка Дарья с обалдевшим видом плюхнулась на стоявшую рядом с моей лежанкой табуретку. Ошарашенно покачав головой, она певуче произнесла:

– Силё-о-о-он. Нечего сказать. Такой силы я ещё не видала. Ну всё-всё, прости старую. – Она приложила свою ладонь к груди и чуть склонила голову. – Более такого не сделаю.

Настёна, ничего не понимая, с удивлением переводила взгляд с меня на целительницу и обратно.

– Ну, ты чего нас разглядываешь, будто никогда не видала? – с улыбкой поинтересовалась тётка Дарья. – Не прост у тебя братец, ох, не прост. Неси, давай, воду тёплую, оботрём его, да ещё шулей напоим.

Чистый и относительно сытый, я умиротворённо полудремал на своей лежанке.

– Нин хао! – раздалось от двери, и в горницу, почтительно склонившись, зашёл давешний китаец. – Здравствуйте! Как ваше здоровье?

Что интересно, обращался он ко мне, а не к находившимся здесь же Насте и тётке Дарье.

– Ой, здравствуйте, уважаемый Шэн-ли. – Настёна привычно уже ойкнула. – Проходите, пожалуйста. Я сейчас чаю поставлю.

– Здравствуй, Шэн, – степенно поздоровалась целительница. – Всё, слава Богу, хорошо. Теперь болезный наш точно оклемается и на ноги встанет.

– Сапасиба, но тый попоззе. – Китаец слегка поклонился. – Мне нада внацале поставить иглы.

Так, стоп. Вот что меня сразу цепляло и показалось странным. Я НЕ ВИЖУ КИТАЙЦА В СИЛЕ. Блин, я даже формулировки стал применять, как в «Звёздных войнах». Хотя зачем что-то придумывать, если всё уже придумали до нас? Так что пусть будет Силой. Ага, да пребудет со мной Сила. Ха-ха. Китаец, словно поняв мою растерянность, улыбнулся, глядя мне в глаза.

Следующий час я лежал на животе и изображал из себя дикобраза. Вся спина и шея были обколоты иглами. Шэн-ли с тёткой Дарьей и Настёной сидели за столом у самовара, пили чай и неспешно беседовали. Обсуждали местные новости, а я получал и анализировал информацию. Своего рода местная Википедия. Например, я узнал, что в находящемся неподалёку, буквально в нескольких километрах, Чагояне год назад организовали колхоз и что дела у колхозников идут неважно. Что из посёлка Шимановского, что в сорока километрах от Чагояна по трассе Транссибирской магистрали, приезжал уполномоченный ОГПУ, расспрашивал колхозников о бывших казаках, о тех, кто не захотел вступать в колхоз. Интересовался также, не видел ли кто чужих людей и не предлагал ли кто золотой песок на обмен или продажу. Что волки в этом году расплодились и совсем распоясались, задрали двух овец у какого-то Пантелея. Что какая-то Ксения Валентиновна, учительница в Шимановской школе, получила перевод в Благовещенск, и теперь не понятно, как будет учиться Настя, которая, как я понял, во время учебного года жила у неё.

Так и прошёл час. Ну, с Настей ничего страшного нет, сам учить буду. Мне школа без надобности, меня, как говорится, учить – только портить. С ОГПУ – это серьёзно. Эти если вцепятся, то хрен от них вырвешься. Тут надо будет всё как следует обдумать. С золотом тоже

интересно. Насколько я помню, здесь полно приисков, а золотишко можно мыть чуть ли не в любом ручье. А золото – это ресурс, который мне точно не будет лишним.

Наконец, иглы из меня вытащили, всего ещё раз протёрли и напоили мясным бульоном. На этот раз дали полную кружку. Едва осилил. Китаец поблагодарил за чай, внимательно глядя в глаза, под удивлённым взглядом Насти и тётки Дарьи, учтиво мне поклонился, попрощался и ушёл. А на меня уже привычно накатила сонливость, и я уснул.

На третий день после того, как я очнулся в этом мире-времени, я наконец-то смог заговорить. Получилось это неожиданно даже для меня. Когда китаец Шэн-ли в очередной раз поставил мне свои иглы и когда вытаскивал их, вот тут я на автомате и поблагодарил его... Просто сказал спасибо... по-китайски. На кухне на пол что-то грохнулось. Судя по звуку, железная кружка.

Откуда знаю китайский (а также японский, немецкий, английский, французский, испанский и итальянский)? Ну, китайский пришлось выучить, когда ещё там, в той жизни-мире, довелось несколько лет поработать в командировке в Китае. Немецкий – спасибо школе, да и потом пришлось попрактиковаться. Английский тоже пришлось выучить из-за работы. Японский, французский, испанский и итальянский выучил уже в то время, когда был прикован к инвалидной коляске. Просто чтобы мозги свои занять и не сойти с ума. Неплохо, надо сказать, выучил. Даже общался в интернете по скайпу с такими же инвалидами из других стран.

Я за те десять лет, что провёл в статусе инвалида, много чему научился. Например, играть на гитаре и на скрипке, причём вполне профессионально. У меня даже на ютубе было выложено несколько роликов, где я музицировал, и лайков они собрали прилично. В детстве мать за руку отвела меня в музыкальную школу, которую я закончил с отличием по классу фортепьяно. А как тут не станешь отличником в музыкалке, если в другом случае тебе запретят заниматься самбо с дядей Сашей? Так что кое-что под черепной коробкой у меня было и своего. И хочется надеяться, что это кое-что сохранилось после перехода. Надо будет проревизировать свою память, хотя Болек с Лёликом и говорили, что всё, что я знаю и умею, со мной и останется. Во всяком случае, должно. Теоретически.

Ну вот. Вспомнил этих двух таких дорогих мне ботаников, и слеза непроизвольно покапала по щеке. Я их больше никогда не увижу. Наверное, только сейчас я окончательно осознал это. Надеюсь, там у них будет всё хорошо.

Настя, услышав мой голос, отбросила какую-то книжку, которую читала, сидя у окна, и метнулась ко мне.

– Ой, Витюша, братик, ты заговорил... – И платочком стала вытирать мне слёзы. – Ты не плачь. Теперь всё хорошо будет, правда?

– Правда, сестрёнка, – чуть слышно произнёс я.

С кухни пришёл дядька Андрей. Это он, услышав моё «спасибо» по-китайски, от неожиданности и удивления выронил из рук кружку.

– Ну, слава Богу. Теперь точно на поправку пойдёт! – И дядька широко перекрестился, повернувшись к пустому «красному» углу.

Настёна неодобрительно посмотрела на это действие и с укоризной сказала:

– Бога нет, дядька Андрей. И всё это мракобесие, с которым пионеры должны бороться.

Дядька Андрей на это лишь с ироничной улыбкой махнул рукой. М-да, а я как-то и забыл, в какое время попал. Здесь и пионеры, и комсомол, и ОГПУ с КПСС. Хотя последняя, по моему, сейчас называется ВКП(б). Вот интересно, а я пионер или комсомолец? Пока память об этом молчит.

Прошла ещё неделя. У меня начали слушаться руки, и теперь я мог самостоятельно держать ложку и кружку. Теперь хотя бы было не скучно лежать. Я разговаривал с Настей, дядькой Андреем, когда он не был занят по хозяйству, с целительницей тёткой Дарьей, с китайцем Шэн-ли (блин, но почему я его не вижу в Силе?).

С последним часто говорили на китайском, что его, похоже, не удивляло. Он так и здоровался со мной первым и с неперменным почтительным поклоном, как и прощался также с поклоном. И всё это под внимательным взглядом дядьки Андрея.

И вот в один из дней, когда Настя возилась в огороде и мы остались с ним одни в доме, состоялся очень интересный разговор.

– А скажи-ка мне, крестник, когда это ты по-китайски балакать выучился? И почему это китаец Шэн-ли с тобой поперёд меня здоровается, да кланяется тебе?

Как говорится, упс! Самое страшное слово в ракетных войсках стратегического назначения. Это то, что называется спалился. Ну вот и как ему объяснить? Сказать правду, так не поверит, а врать как-то не хочется. Эх, попробую и не соврать, и правды не сказать.

– А ты, дядька Андрей, точно хочешь это знать? – Я посмотрел ему в глаза. – Не всякое знание может пойти на пользу.

– Ну а ты начни, а там поглядим, что в пользу, а что нет.

– Так ведь всё я тебе рассказать не могу, а лгать не хочу. Устроит тебя такое?

– Да меня сейчас всё устроит. Я уж не знаю, что и думать. То ты был как, прости господи, алахарь³ какой и лез куды ни попадая, будто в тебя анчутка⁴ вселился, то вдруг балакаешь по-китайски лучше, чем Шэн-ли, хоть раньше ни слова не знал. И взгляд у тебя другой стал. Взрослый. Отцов взгляд.

– Ну что же, так тому и быть. Только, дядька Андрей, давай баш на баш. Я тебе расскажу, что со мной приключилось, а ты мне расскажешь о моих родителях. Всё расскажешь! – Последнее я выделил голосом.

Дядька Андрей усмехнулся:

– Как ты там сказал? А ты точно хочешь знать всё? Не всякое знание на пользу...

Вот так меня, моими же словами.

– Точно хочу. Точнее некуда.

– Что ж, договорились. Кто начнёт первым?

– Да я и начну. Чать помоложе буду... – Я вздохнул, набрал в лёгкие воздуха и начал. – В общем, дядька Андрей, умер я. – Старый казак удивлённо вскинулся. – В тот самый миг, когда с кедра сверзился, вот тогда и умер. Здесь умер. И родился в другом времени. В одна тысяча девятьсот семьдесят пятом году. И прожил там жизнь. Сорок пять лет прожил. Всяко было. И хорошее, и плохое. Женат был, сын у меня там был, да погибли они, а я стал калекой. А до того работал в своей фирме, денег много зарабатывал. Тогда и изучил и китайский, и немецкий, и ещё несколько языков, и многое другое. А потом случилось так, что в том времени у меня был выбор: или совсем умереть там, или попытаться вернуться сюда. Я выбрал второе. И вот я здесь. Ну а почему Шэн-ли мне кланяется и здоровается со мной первым, то об этом у него надо спрашивать. Мне и самому это интересно.

– Эвон оно как, – задумчиво произнёс дядька Андрей. – И ведь не врешь, то сразу видно. И говоришь как взрослый, поживший человек. Дарья сказывала, что дар какой-то у тебя появился.

– Когда возвращался, то свет какой-то в меня вошёл. А как здесь очнулся, начал видеть ауру у других людей.

– Ауру?

– Это что-то вроде энергетической оболочки человека. М-да. Как бы это объяснить? Душу, что ли. Может, и ещё что есть, но это надо развивать. С той же тёткой Дарьей пообщаться на эту тему, может, она что подскажет. Да и с китайцем Шэн-ли тоже не мешает поговорить об этом.

³ Алахарь – несерьезный, легкомысленный человек.

⁴ Анчутка – чёрт, чертёнок.

– Да, – протянул старый казак, – чудны дела Твои, Господи. Дарья говорила мне, что ты за гранью побывал и оттуда смог вернуться, а оно вон ещё что. Тяжко было? – неожиданно спросил он.

– Тяжко – это не то слово, – хмыкнул я. – Теперь твой черёд рассказывать, дядька Андрей.

– Ну, мой, так мой. Родители твои не из служащих, как тебе говорили. Они потомственные дворяне. Княжеский род Головиных. Хотя и не прямая ветвь, но тем не менее батюшку твоего титуловали как князя. Отец твой был подполковник русской армии Головин Михаил Николаевич. Воевал с германцем в империалистическую, как сейчас говорят, войну. Воевал лихо, за что и имел много наград. А я при нём вроде как денщиком был. Поранили меня, службу уже нести, как прежде, не мог, а возвращаться некуда было, вот он меня и взял к себе в память за то, что его самого однажды, контуженого, с поля боя вынес. Егория за то дело мне дали. С полным бантом после того ходить стал. Матушка ваша тоже дворянского сословья. Потомственная графиня Шереметева.

Когда царь Николай отрёкся, мы только что на фронт вернулись после излечения и отпуска. Да там началось, прости, Господи, чёрт-те что. Солдаты офицеров слушаться перестали, могли и в спину стрельнуть, а то и на штыки поднять. Батюшку-то вашего уважали, он всегда для солдат старался службу облегчить. Да всё равно пришлось нам с фронта по осени уезжать. Хотел было Михаил Николаевич забрать супругу из Петрограда да податься за границу, вот только не вышло. Матушка ваша на сносях была и ехать не могла.

Решили они ждать рождения дитя. Вот в день октябрьского переворота ты и родился. Потом с полгода прожили в Петрограде, да там начали разыскивать бывших офицеров и к стенке ставили прямо во дворе. Отец твой как-то смог выправить документы, что он инженер-геолог, и с ними уже отправились к родственникам вашей матушки, Светланы Борисовны, в Иркутск.

Как добирались, так то жуть просто, но, слава Богу, доехали. А тут чехословаки взбунтовались, и пришлось нам ехать дальше, на восток. В Чите чуть не попались в лапы чехам. А те грабили всех подряд, да и насильничать могли. Добрались до Благовещенска. Михаил Николаевич собирался податься в Харбин, а оттуда перебраться в Америку, да не случилось. Тут после восстания атамана Гамова тоже чёрт-те что творилось. Резали и стреляли людей почём зря.

На том берегу Амура ещё хуже всё было. Решили переждать лихие времена, да в девятнадцатом году пришли японцы. Стало ещё хуже. Матушка ваша в больнице работала, а батюшка, да и я с ним, в депо. Японцы в больнице кого штыками перекололи, кого вывели и у ближайшей стены расстреляли. В депо ввели казарменное положение и за любой проступок шомполами забивали. Убёгли мы из Благовещенска в Шимановск, а оттуда в Чагоян подались, подальше от железки. Здесь уже и поселились на хуторе, спасибо местным. Как узнали, что матушка ваша лечить может, так и указали на этот хутор, что без хозяев остался. Так и стали тут жить, а в двадцатом, в аккурат на Ильин день, Настёна родилась...

Тут я улыбнулся. Ильин день, второе августа, День ВДВ. Так и представил Настю в тельняшке, камуфлированных штанах и голубом берете.

А дядька Андрей тем временем продолжал:

– Жизнь потихоньку наладилась. Мы с вашим отцом ходили в тайгу, били белку, соболя, птицу, на Зею рыбалить. Сдавали шкуры, дичину, мёд. Михаил Николаевич всё ждал, когда дочка подрастёт да окрепнет, чтобы податься в Харбин. Жили мы не тужили, да однажды на контрабандистов нарвались. Те, видать, с приисков золотишко в Китай тащили. Пострелять пришлось. Вот там вашего батюшку и убили. На моих руках он помер и последним словом завещал сберечь вас. А пять лет назад Светлана Борисовна преставилась.

Помчалась зимой в пургу к больному, да помёрзла сильно, захворала и слегла, да так и не встала. Вот такой мой рассказ тебе получился. Теперь и ты знаешь всё. Да ещё обо всём знает Дарья. Но о ней не думай, от неё никто ничего не узнает. А более никому ничего не известно.

Да, уж. С такой эпопеей можно целый роман писать. И слова профессора о моих дворянских корнях подтвердились. Вот только что мне это даёт, кроме проблем? Ровным счётом ничего. А вот проблемы, и не малые, могут возникнуть, если властям станет известно о моём происхождении. Так что теперь есть повод задуматься, где я вижу своё дальнейшее будущее. Своё и Насти. Здесь, в СССР, или за границей. Надо думать. В принципе устроить свою и её жизнь я могу легко в любой стране, но в той же Америке это сделать мне будет легче. В любом случае прорабатывать дальнейшие планы я смогу начать только после полной распаковки всей загруженной в память информации. Осталось подождать совсем немного, тем более что физические параметры тела быстро приходят в норму.

Спустя пару дней состоялся ещё один разговор, на этот раз с китайцем Шэн-ли.

Как обычно, он поставил мне свои иглы, и когда убирал их, я задал свой вопрос:

– Скажите, уважаемый Шэн-ли, почему вы с таким почтением относитесь ко мне? – Всё это, естественно по-китайски.

– О, господин, как я, недостойный изгнанный монах, не сумевший защитить своего Учителя, могу не проявить почтение к прошедшему через границу миров и отмеченному Великим Драконом Тяньлун⁵? – почтительно склонившись, ответил китаец. – Вам ещё не хватает умений, чтобы контролировать своё внутреннее и внешнее Ци⁶, и вы очень сильно растрчиваете его. Если мне будет позволено, то я покажу вам техники контроля за своим Ци.

– Поэтому я не вижу твоей ауры? Ты умеешь скрывать её?

– Да, господин, я владею техникой, позволяющей закрыть для других мою Ци. И если вы можете видеть Ци у других, то вы лишь в маленьком шаге от того, чтобы научиться управлять им.

Теперь Шэн-ли после каждого сеанса акупунктуры показывал мне техники владения энергией Ци, или Силой, как я начал её называть. Уже через пять таких занятий я смог вполне осознанно управлять внутренними и внешними потоками Силы. Мой учитель воспринял это без удивления, сказав, что отмеченному Драконом легко даётся то, на что у простых смертных уходит вся жизнь. И да, я смог пробить защиту Шэн-ли и теперь свободно видел его ауру.

Более того, я начал различать оттенки в ауре окружающих и соотносить их с болезнями, травмами, характером человека и его мыслями. Удалось даже немного поэкспериментировать на своих близких. Дядька Андрей как-то во время одного из наших разговоров, а разговаривали мы теперь часто, пожаловался на боль в раненной на войне ноге. Мол, разыгралась что-то, видать, к непогоде. Посмотрев в Силе на его ногу, я увидел довольно большое тёмное пятно, которое мелко пульсировало. Попробовал потянуться к нему Силой и влить немного света. Пятно перестало пульсировать и заметно посветлело. В горнице стало тихо, только слышно было, как во дворе Настя зовёт убежавшую куда-то кошку Дядька Андрей, замолчав на полуслове, с удивлением смотрел на меня.

– Вон оно как! Это ты, что ли, боль унял? Смотри-ка, и не болит больше совсем.

– Ещё не совсем, дядька Андрей. Я только немного облегчил её, так что ногу всё равно береги.

В тот вечер я попробовал первый раз встать на ноги. Ну что я могу сказать? Неудачно. И полы, зараза, жёсткие. Как говорится, фокус не удался, что и не удивительно. Мало того что здесь тело пролежало без движения почти два месяца, так ещё там, в той жизни я десять лет

⁵ Тяньлун – Небесный Дракон. Защищает владения богов. Признан самым могущественным среди драконов. Является символом могущества и власти.

⁶ Ци – универсальная квазисубстанция, энергетическая перво-ткань космоса. Ци наполняет внешний мир («внешнее ци») и самого человека («внутреннее ци»).

прожил без ног и без возможности встать хотя бы на протезы. Так что проблема была не только в физическом плане, но и психологическая.

И всё же я смог встать и, опираясь на выструганный дядькой Андреем костыль, выйти во двор. От нахлынувшей свежести (ночью шёл дождь), от непередаваемого запаха тайги даже закружилась голова. Пришлось сосредоточиться и приводить организм в норму. Теперь я и такое умел. Лицо само растянулось в блаженной улыбке. Шёл двадцать первый день как я очнулся в этом мире-времени.

Глава 3

Сознание выбило мгновенно. Вот я стою с блаженной улыбкой во дворе, потом будто струна с оглушительным треском рвётся у меня в голове – и всё. Темнота.

Обратное включение произошло так же внезапно. Просто вдруг осознал себя лежащим на ставшей уже привычной лежанке. Ещё не открывая глаза, увидел над собой четыре знакомые ауры. Похоже, все здесь, Настя с дядькой Андреем (опять у него нога разболелась, надо будет поправить), целительница Дарья и китаец Шэнли (видно, как он старается спрятать свою ауру, но для меня теперь это не проблема, всё равно увижу).

Что самое интересное, так это то, что голова абсолютно ясная и чистая. С самого первого момента после перехода я постоянно ощущал какое-то давление на сознание, а теперь это давление исчезло.

– Отмеченный Великим Драконом, пройдя испытание, вернулся и теперь сам стал Великим Драконом, – спокойным тоном сказал Шэн-ли.

– Братик, Витюшенька, ты живой?

Так, надо открывать глаза и успокаивать всех. Хотя того же китайца успокаивать не надо, он и так спокоен и воспринимает всё как само собой разумеющееся. Но перед тем как открыть глаза, подлечил ногу дядьки Андрея и увидел, как в его ауре пропадают тревожные всполохи. Видимо, понял, что я очнулся, и почувствовал облегчение в ноге.

М-да. Картина маслом. Красные зарёванные глаза Настёны на таком же красном и зарёванном лице, серое от переживаний лицо дядьки Андрея, постепенно возвращающееся к нормальному цвету, напряжённые глаза тётки Дарьи и абсолютно спокойный китаец Шэн-ли.

– Ну вы чего это? Живой я, живой.

Только успел произнести это, как на шею с рёвом бросилась Настя. Дядька Андрей облегчённо вздохнул и размашисто перекрестился, а Шэн-ли, склонившись в почтительном поклоне, произнёс:

– С возвращением, Великий Дракон.

О как! До чего же любят китайцы всякие цветистые названия. Хотя мне, в общем-то, нравится. Звучит-то как! Не просто какой-то там дракон, а, блин, Великий. Это вам не хухры-мухры.

Как рассказал дядька Андрей, я внезапно свалился во дворе без сознания и до смерти напугал Настёну. Меня занесли в дом, и я два дня пролежал буквально как труп. Без дыхания, и сердце тоже не билось. Прибежавшая тётка Дарья пыталась что-то сделать, но всё без толку, и только китаец Шэн-ли был абсолютно спокоен. Он сказал, что я жив и должен пройти какое-то испытание, после которого стану могущественным, как он выразился, Драконом.

А мне вот интересно стало, что меня так вырубил. Надо будет подумать над этим... И тут я внезапно понял, что все те знания, вся та информация, что в меня закачивали, всё это со мной. Аж сердце забилося учащённо. Пришлось успокаивать его Силой.

Так, что там Лёлик говорил про письмо? Надо будет выбрать время, когда все будут заняты вне дома, и добраться до тетрадок и руч... Блин, тут же пишут перьевыми, а я их и в руках-то почти не держал. Придётся учиться писать пером или изобретать шариковую ручку. Или она уже изобретена? Надо будет при случае уточнить. А по первости буду обходиться карандашом.

Тут надо рассказать о том, что именно представляет собой загруженная мне в сознание информация. Это своего рода файлы, которые при необходимости можно найти и распечатать. То есть мне нужно сосредоточиться на определённом информпакете и воспроизвести его на бумаге. При этом само содержание пакета информации не является осознанным. Тут я выполняю роль носителя. Информация есть, но я её не знаю. Эта методика была создана в СССР для

разведчиков-нелегалов и позволяла им таким образом переправлять большие объёмы информации без какого-либо риска.

Интерлюдия (подземный секретный исследовательский комплекс в другом мире-времени)

– У вас всё готово, профессор? – вместо приветствия задал вопрос господин в неизменном тёмносинем, безукоризненно сидящем, костюме.

– Да, мы полностью готовы. Тело объекта находится в реанимационной капсуле и подключено к аппаратуре. Сейчас заканчиваем вывод реактора на заданные параметры и начнём процедуру возврата.

– Что с родственниками объекта?

– Три дня назад мы имитировали обрыв связи с тем миром, и я отправил их якобы за новой аппаратурой. Мне уже сообщили, что они оба прибыли в наш филиал в Петербурге и начали проверку и комплектование оборудования.

– Ну что же, начинайте по готовности.

– Да, конечно. Располагайтесь пока здесь. Отсюда вам будет хорошо видно весь процесс, хе-хе, так сказать, процедуры.

Едва господин в тёмно-синем сел в предложенное кресло, как взревели баззеры тревоги. Он успел только обернуться к выходящему из помещения профессору и набрать воздуха, чтобы что-то спросить, как всё вокруг потонуло в ослепительном, всепожирающем пламени ядерного взрыва.

Интерлюдия (в то же время где-то на окраине Санкт – Петербурга)

Двое молодых учёных, проверяющих на мониторах компьютеров какие-то параметры, переглянулись и чуть заметно кивнули друг другу.

Сообщение РИА Новости: «Сегодня в восточных районах Красноярского края было зафиксировано землетрясение амплитудой 2–3 балла. Эпицентр подземных толчков находился в малозаселённом районе края. По сообщению регионального МЧС, жертв и разрушений нет».

«Витя, брат! Если ты читаешь это, значит, всё у нас получилось, и переход прошёл нормально. К сожалению, не всё с этим экспериментом хорошо. Мы смогли выяснить, что за всеми этими исследованиями стоит один из самых влиятельных и богатейших людей страны. Целью эксперимента является возможность предоставить шанс на ещё одну жизнь некоторым людям. Как ты сам понимаешь, далеко не всем и далеко не бесплатно. Ты тоже являешься частью этого эксперимента. Тебя собирались вернуть обратно в твоё же тело и проверить сохранность вложенной тебе в сознание информации. После тебя должны были ликвидировать.

К счастью, нам удалось вовремя получить эту информацию, так что не беспокойся, лаборатория вместе со всем исследовательским центром и всеми посвящёнными в суть эксперимента, а также с единственным заказчиком и фактически хозяином будет полностью уничтожена. Не останется никаких следов. Ядерный взрыв, знаешь ли, лучшее средство в борьбе с разными паразитами. О нас не волнуйся, нас в тот момент там не будет. Мы уже подготовили себе хороший, так сказать, запасной аэродром.

Теперь о главном. Тебе в сознание было загружено много не нужной, пустой информации, чтобы выяснить допустимый объём памяти и степень сохранности загруженного после перехода. Мы смогли скорректировать программу таким образом, что в момент перехода вся эта вода автоматически стёрлась из твоей памяти. Фактически контрабандно нам удалось загрузить тебе ту информацию, которая тебе больше пригодится в том периоде времени. Извини, но чертежей атомной бомбы не смогли достать (шутка). Зато есть кое-какие описания технологий обогащения урана. Есть ещё много различных чертежей и технологий, так что разберёшься. Полный список загруженного можешь вызвать так же, как и это письмо.

Витя, братишка! Спасибо тебе за всё, что ты для нас сделал! Спасибо за то, что подарил нам настоящую семью, что стал для нас самым родным и близким человеком! Будь счастлив в новом мире и в новой жизни. Мы никогда тебя не забудем! Прощай, брат! Твои Болек и Лёлик. Борис Андреевич Головин и Леонид Андреевич Головин».

Сижу, читаю мной же написанное письмо от братьев, и слёзы текут по щекам. Спасибо вам, братишки. Вы уже трижды спасли мне жизнь. Первый раз, когда не дали умереть после аварии, второй, когда смогли устроить мне перенос в этот мир-время, и третий, когда не дали выдернуть меня назад, на убой. Надеюсь, что всё у вас получится и всё будет хорошо.

Я скомкал письмо, положил его в стоящую тут же, на столе, плошку, нашарил лежащие на подоконнике спички и поднёс огонь к клочку бумаги. Сидел и смотрел, как пламя слизывает строчки письма, будто бы сжигая последнюю ниточку, связывающую меня с той, прошлой жизнью, а губы шептали:

– Прощайте, братишки. Прощайте, Болек и Лёлик...

– А чего это гарью в избе пахнет?..

В дверях стоял дядька Андрей и с тревогой смотрел на сидящего за столом с поникшими плечами и со следами слёз на щеках крестника. Из-за его спины выскочила Настёна и бросилась к своему любимому братику.

– Витечка, что случилось? Тебе больно, да?

И столько было тревоги, заботы и любви в этих словах, что я обнял свою, здесь обрётённую сестру, прижал к себе, погладил её по голове, поцеловал в макушку и, с облегчением вздохнув, произнёс:

– Всё хорошо, сестрёнка. Теперь всё будет хорошо.

– А это чегой-то ты тут запалил? – И дядька Андрей кивнул на золу от сгоревшей бумаги.

– А это, Андрей Григорьевич, последний привет ОТТУДА, – выделил голосом я последнее слово.

Старый казак кивнул каким-то своим мыслям и, уже по-доброму улыбнувшись, сказал:

– Ну, будя вам обнимашкаться. Давайте поснедаем, чем Бог послал. Настёна, собирай на стол.

Дни шли за днями, и лето неуклонно катилось к концу. Я уже достаточно окреп, вот только ходил по-прежнему с трудом. Видимо, всё же те десять лет, проведённые в инвалидной коляске, сказались на сознании. Ноги были абсолютно здоровы, но разум отказывался это признавать. Ходил потихоньку, опираясь на вырезанную дядькой Андреем из суковатой ветки клюку.

Пытался чем-то помочь по хозяйству, что было мне по силам, иногда уходил недалеко в тайгу, где медитировал и учился работать с Силой. Прогресс был налицо. Я уже мог вполне осознанно вызывать видение ауры, научился распознавать болезни через изменения в ней, пробовал лечить, вливая часть своей энергии. С этим очень помогла целительница тётка Дарья. Я несколько раз смог доковылять до неё, как раз когда к ней приходили за помощью. Смотрел, как она исцеляет, пробовал незаметно для больного сам лечить и понял, что получается у меня гораздо лучше и эффективнее, чем у неё. Видимо, я и вправду сильнее, чем она. Однако виду не показывал. Мне не хватало ещё толпы болящих у нашей избы. Тем более что времени на них не было.

По вечерам начал заниматься с Настей. Для начала выяснил уровень её знаний. Ну что же, неплохо. Недаром в отличницах числится. Начал диктовать ей темы по алгебре, геометрии, немного по физике. С иностранным языком всё было очень даже неплохо. Мать с самого рождения разговаривала с ней не только на русском, но ещё и на немецком, и на французском. Конечно, за последние пять лет многое забылось, но ничего, вспомним.

Учиться Насте нравилось, особенно физика заинтересовала, но она то и дело удивлённо вскидывала на меня глаза, а однажды не выдержала и спросила, откуда я всё это знаю, если в школе мне такое не преподавали.

– Знаешь пословицу «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали»? Вот и не спрашивай. Забыла, что со мной приключилось? – Настёна замотала головой. – Правильно, и не забывай. Да смотри, никому о том не рассказывай, а то беду на нас на всех накличешь.

– Витюш, а расскажи? – Глаза у Насти стали как у кота из мультфильма про Шрека. – Мне же аж страшно иногда. Ты стал разговаривать и вести себя как взрослый. Будто бы чужой кто-то.

Я обнял её и погладил по голове. Настёнка прильнула ко мне и стала похожа на маленького котёнка, который ищет тепло и ласку.

– Эх, ты, котёнка моя маленькая.

– Я не маленькая.

– Ну, хорошо. Большая котёнка! – Я улыбнулся. – Не бойся, сестрёнка, теперь всё будет хорошо. Просто после того случая я быстро повзрослел. Ну а знаю много, потому что книжек много читал, а теперь вот вспомнил всё прочитанное.

Настёна подняла на меня глаза и недоверчиво покачала головой. Уж она-то прекрасно знала, что застать брата с книжкой в руках было нереально. Но, молодец, промолчала. Хотя разговора с ней рано или поздно всё равно не избежать.

Вечером вернулся из Шимановска дядька Андрей. Хмуро огляделся, молча сел у печи и закурил. На мой вопросительный взгляд только раздражённо махнул рукой.

– Что стряслось, дядька Андрей?

Казак затаился душистым самосадом, а потом с печалью в голосе произнес:

– В Шимановск откуда-то из центра приехал какой-то уполномоченный. Сказывают, в России голод лютует сильно. Будут хлеб и скотину забирать.

– Ё...! – Я осёкся под нахмуренным взглядом дядьки. – Голод! Как же мог забыть-то? Ведь тридцать второй год же! Ты вот что, Андрей Григорьевич, слушай сюда и сделай, как я скажу, иначе плохо нам всем будет, и даже очень. Сейчас вечеряй, а после пойдём с тобой и часть скотины сейчас же пустим под нож.

Дядька Андрей возмущённо вскинулся и хотел было высказать всё, что он думает о некоторых молокососах.

– погоди, дядька, дослушай сперва. Скотину и хлеб всё равно изымут, и не факт, что что-то оставят на жизнь. А к тебе придут к первому, так как ты не колхозник, а зажиточный единоличник и вообще подозрительный элемент. Поэтому сейчас нарежем часть скотины, мясо уберём в ледник, а лаз в него завалим. Как ты его копал и обустроивал, о том никто не знает и искать, в случае чего, не будут.

Завтра поутру пойдёшь в Чагоян и приведёшь оттуда председателя колхоза и пару-тройку активистов. Пусть составят опись всей оставшейся живности. Также пусть напишут бумагу, что решением колхозного актива тебе оставлены для пропитания и дальнейшего разведения коза с козлёнком, петух с петухом и петух кроликов. Всю остальную животину свезём с тобой вместе в Шимановск и там сдадим приехавшему уполномоченному как добровольный взнос в помощь голодающим. Лошадь тоже отпишешь колхозу, но оформишь аренду.

В тот момент я подумал, что старый казак меня пришибёт прямо на месте. Вот так вот просто взять и отдать неизвестно кому скотину, в которую вложил столько труда?! Тем более отдать лошадь.

– Да ты думаешь, что говоришь-то?! – кричал дядька. – Вот так взять и отдать за здорово живёшь?! Сведём скотину на дальнюю заимку и там укроем, пока уполномоченный не уедет. Не вечно же он тут будет рассиживать.

– Не дело ты говоришь, Андрей Григорьевич. За скотиной присмотр нужен. Кто там, на заимке, будет ухаживать за ней? Из меня пока присмотрщик никакой, Настя тоже не потянет, тебе здесь надо быть. Да и найдут рано или поздно. Либо сами выведут, либо донесёт кто, и тогда тебя – под суд, а нас с Настёной – в детский дом, и не факт, что не в разные. Так что другого варианта нет. И не расстраивайся попусту. Ты не забыл, где я побывал? Там в точности такое же было. И то, что я тебе предложил, это единственный вариант выжить. Я понимаю, жалко, но по-другому никак, поверь.

Через два дня я сидел в телеге, нагруженной клетками с курами, кроликами и несколькими мешками муки и зерна, в которую была запряжена уже не наша лошадь. За телегой бежали на привязи красавец козёл, пара коз и пара овечек. Сбоку шёл хмурый дядька Андрей.

Скотину сдали без проблем. Всё как положено, под опись, с выдачей соответствующей справки, что излишки скотины и муки с зерном сданы добровольно и доставлены нами на сборный пункт. Уполномоченный покосился было на нашу довольно упитанную лошадку, но ему была предоставлена справка из правления колхоза, по которой лошадь была сдана колхозу и временно выдана нам в аренду для поездки в Шимановск.

Я даже речугу толкнул в том смысле, что наша семья, узнав о бедственном положении с продовольствием в отдельных (это я подчеркнул особо) районах, решила оказать посильную помощь голодающим и передаёт для их нужд почти всю имеющуюся скотину, кроме той, которую будем разводить для последующей сдачи государству. Уж что-что, а красиво трепать языком в своё время пришлось научиться, иначе на различных презентациях, фуршетах и прочей лабуде было нельзя. В общем, речь получилась такая, что если бы сам слушал, первым побежал бы сдавать излишки. Нам с дядькой долго жали руки. Даже приезжий уполномоченный поблагодарил и руку пожал. Вначале – дядьке Андрею, а потом – мне.

И вот тут у меня сработал контакт. Я вдруг ясно увидел все его мысли. С гнильцой оказался товарищ. Даже с очень сильной гнильцой. Была у него мысль хорошо пожить на обысках у зажиточных хозяев и прибрать ценности себе к рукам. Да и из нашей скотины он уже присмотрел себе угощение на ужин. А вот хрен тебе.

Я с энтузиазмом и с восторгом на лице тряс руку товарища из самого центра, а сам в это время работал с его аурой. Сдохнет он в ближайшие три-четыре дня от сердечного приступа. Хрен с ним, пусть сегодня пожрёт на ужин нашего кроля, угостится напоследок.

А вот наш местный уполномоченный ОГПУ оказался вполне нормальным мужиком. Он и вправду был местным, служил на границе с Китаем, участвовал в конфликте на КВЖД⁷, а потом была учёба на краткосрочных курсах ОГПУ во Владивостоке и направление уполномоченным сюда, к землякам.

Заодно заехали в школу. Мне было проще. Школа здесь была семилетней, и я её, как оказалось, в этом году окончил, а вот Насте надо бы учиться ещё три года. Переговорили с директором. Говорил в основном дядька Андрей. Решили, что раз нет возможности ежедневно посещать занятия, то сестра будет раз в месяц приезжать и выполнять контрольные задания, а я буду ей помогать готовиться. С директором тоже сработал контакт. Также оказался вполне вменяемым. Из бывших. Как и мои родители (о как, уже настолько освоился, что называю родителей этого тела своими!), бежал от революции и Гражданской войны и осел здесь.

Решив все свои дела и закупившись необходимым, отправились домой. Уже ближе к дому дядька немного оттаял и иногда посмеивался моей проникновенной речью.

⁷ Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) (Дальневосточный конфликт) – советско-китайский вооружённый конфликт, произошедший в 1929 году после захвата Чжан Сюэляном контроля над Китайско-Восточной железной дорогой, являвшейся совместным советско-китайским предприятием. В ходе последующих боевых действий Красная армия разгромила противника. Подписанный 22 декабря Хабаровский протокол положил конец конфликту и восстановил существовавший до столкновений статус дороги.

– Вот, ей-богу, – сказал он, смеясь, – не знал бы тебя с малолетства, сам бы поверил, что ты всё там взаправду говорил. А уж какая рожа у уполномоченного была, когда ты тряс ему руку. И где только таких слов-то выучил?

– С волками жить, по-волчьи выть, Андрей Григорьевич. А красивые речи толкать я ещё там научился.

– Хех, теперь главное, чтобы этого приезжего не понесло к нам проверить, всё ли мы сдали.

– Не понесёт, – мрачно сказал я, – не успеет.

– Вон оно как. Это что же, получается ты его того?

– Того, дядька Андрей, того. На днях ему будет того. А если бы я его не, как ты говоришь, того, то он бы вскорости к нам заявился. С проверкой... – Я, обернувшись, посмотрел в глаза казаку. – Осуждаешь?

– Так ведь грех... – И дядька затянулся самосадом. – И жизни лишать, и ведовство, опять же.

– То мой грех, – вздохнул я. Если честно, то на душе мне было паршиво, хотя умом и понимал, что тут либо он, либо мы. – А за свои грехи я на три жизни вперёд расплатился.

...Зима и весна прошли без каких-либо потрясений. Раз в месяц дядька Андрей отвозил в Шимановск мясо-дичину, которую успевал настрелять в тайге, шкурки. Большую часть из этого сдавал на пункт сбора помощи голодающим, часть продавал или обменивал на что-то нужное в хозяйстве, на патроны, порох.

Настя каждый раз ездила с ним, по приезде сразу бежала в школу сдавать контрольные задания. Директор школы очень хвалил её за успехи в учёбе и ставил другим в пример.

Я всё это время так и проходил с клюкой. Ноги ни в какую не хотели меня слушаться. Когда на улице подсохло, начал во дворе заниматься гимнастикой ушу. Вспомнился весь комплекс двадцати четырёх форм тайцзицюань.

Как-то раз эти мои занятия увидел китаец Шэнли. В тот раз почтительный поклон его был особенно глубоким. Похоже, что он на полном серьёзе уверовал, что я являюсь воплощением Великого Дракона. Ну ещё бы ему не уверовать. И с Силой получается работать, и фактически с того света вернулся, да ещё и оказался знатоком традиционной китайской гимнастики. Наверное, это был первый случай, когда защита ауры у китайца дала сбой, и я явственно увидел в ней почтение, уважение и фанатичную веру. Веру не в кого-то гипотетичного, а в самого Великого Дракона, так сказать, во плоти.

Шэн-ли какое-то время молча стоял и смотрел на мои занятия, а потом показал несколько движений комплекса, которые я, по его мнению, выполнил недостаточно совершенно. То ли упражнения помогли, то ли организм сам справился, но к концу лета тридцать третьего года я ходил уже вполне нормально и даже начал понемногу бегать по утрам.

В один из дней, когда я вернулся с очередной утренней пробежки и, фыркая, умывался во дворе у бочки, ко мне рядом на завалинку подсел дядька Андрей. Привычно набил свою трубку и, затянувшись самосадом, выпустил облако табачного дыма, которому позавидовал бы любой паровоз. А затем он спросил:

– Виктор, а как оно там всё было? Может, расскажешь? А то ты об этом всё время помалкиваешь.

– Рассказать? – Я сел рядом, вытираясь рушником. – Рассказать можно. По-разному там было. Ну, до сего дня различий вроде никаких. И там и тут были и война с германцем, и революция, и с китайцами схлестнулись в двадцать девятом, и голод тоже был. А вот дальше там были репрессии, наверняка не такие, как у нас там писали, но тем не менее были. Много кого посадили, а то и расстреляли. Кого-то за дело, кого-то по доносу.

Страна тем временем строилась и развивалась. Жизнь понемногу налаживалась. В Германии, как ты читал в газетах, к власти пришёл Гитлер. Вот он скоро и начнёт подминать под

себя всю Европу, а в сорок первом году на нас попрёт. И будет страшная война. Пожалуй, самая страшная из всех. Немцы дойдут до самой Москвы, уже в бинокли будут её рассматривать, но получат по зубам и откатятся от её стен.

Ленинград полностью окружают и будут морить людей голодом. По разным оценкам, от 900 тысяч до полутора миллионов мирных жителей умрёт от голода или погибнет от обстрелов и бомбёжек, – сбоку раздался треск: дядька Андрей сидел с белым лицом, держа в руках сло-манную трубку, – но город выстоял. Люди получали по сто двадцать пять граммов хлеба в день и всё равно шли на заводы и выпускали танки и боеприпасы. Да и хлебом-то это назвать нельзя было. Я до сих пор помню его состав. Жмых, пищевая целлюлоза, обойная пыль, выбойка из мешков, хвоя и немного обойной ржаной муки. И так почти девятьсот дней и ночей. Им по льду Ладожского озера машинами возили продовольствие, а обратно вывозили детей и совсем ослабших, а немцы обстреливали и бомбили эту дорогу.

Самое удивительное, что в это время в Ленинграде в Институте растениеводства в хранилище лежали десятки тонн семян. Сотрудники музея получали такую же мизерную пайку, как и все, падали в голодные обмороки, но не взяли ни зёрнышка. Под бомбёжками и обстрелами они с риском для жизни разыскивали дрова, чтобы не дать замёрзнуть уникальной коллекции растений.

Война продлилась до мая сорок пятого года. Немцев разбили, над их Рейхстагом в Берлине водрузили Красное Знамя. Потеряли при этом разрушенной всю западную часть страны и почти тридцать миллионов погибшими. При этом на фронте погибло меньше, чем было убито мирных жителей. У немцев была цель уничтожить как можно больше славян и всех евреев. Некоторые деревни и сёла они сожгли вместе с жителями. Сгоняли всех, и старых и малых, в какой-нибудь сарай и заживо всех сжигали.

Потом страну долго поднимали из руин. Бывшие союзники, американцы с англичанами, нас традиционно предали, и началось противостояние уже с ними. До открытой войны, слава Богу, не дошло, но легче от этого не стало.

В пятьдесят седьмом году запустили в космос первый спутник Земли, а в шестьдесят первом первым космонавтом планеты стал наш русский человек. Не всё, конечно, было гладко, проблем и дурости хватало, но жили, в общем-то, нормально. В восьмидесятых к власти пришёл то ли просто дурак, то ли откровенный предатель, который запустил развал страны. Потом его сменил другой, который страну окончательно разрушил. Опять вернулись разруха, гражданская война, а кое-где и голод.

Со временем стали как-то приспосабливаться к жизни. Кто-то совсем хорошо приспособился, а кто-то до нищеты скатился... – Я обернулся к сидящему со стеклянными глазами дядьке. – Но это всё было там. Здесь, я надеюсь, будет по-другому. Во всяком случае, я приложу к этому все силы и знания, которых тут, – я постучал пальцем по лбу, – очень много.

Дядька Андрей порывисто вздохнул и, качая из стороны в сторону опущенной головой, тихо произнёс:

– Сколько же бед и страданий уготовано России-страдалице.

– Ещё не уготовано, Андрей Григорьевич. В моих силах многое изменить. Надо нам в Ленинград перебираться. Есть у меня задумки, как донести информацию до Сталина. Знаю я, как ты к нему относишься, но именно во многом благодаря ему смогли выстоять в войне и страну возродить. Он и через сто лет будет у простых людей одним из самых почитаемых правителей России.

– Да-а, Петроград, – протяжно сказал казак. – Будто в другой жизни всё было. Вспоминаешь, и не верится, что это всё со мной случилось. – Он вздохнул и продолжил: – Ты прав, Виктор, надо тебе отсюда уезжать. И Настёну с собой возьми. Не место ей здесь, да и растёт девка, скоро уж жениться будет, да где же тут жениха путного найдёшь. А там и образование своё продолжит, и ты ей жизнь поможешь устроить.

– А ты как же, дядька? Разве не с нами?

– Да куда уж мне срываться-то на старости лет? Да и привык я тут, прижился. А выйду на Зею, зажмурюсь, и будто бы на родном Дону побывал...

Старый казак зажмурился, губы его растянулись в чуть заметной улыбке, а от его ауры вдруг нахлынула тёплая волна, в которой явственно виделись бескрайние донские степи и бесконечный простор до самого горизонта.

– Может, всё же подумаешь, Андрей Григорьевич? Как ты тут один-то будешь?

– Это почему это один? – Казак хитро прищурился. – Я, вон, Дарью позову. Вместе-то оно всегда легче, чем поодиночке.

– Так давно бы позвал уже, или боишься, что мы с ней не уживёмся?

Хлопнув себя ладонью по коленке, я поднялся и отправился в избу. На кухне что-то стряпала Настя.

– Всё слышала?

Настя замерла, втянув голову в плечи. То, что она стоит за открытым окном и, стараясь ничем не выдать своё присутствие, слушает мой рассказ, я заметил Силой сразу. Настя, не оборачиваясь, чуть заметно кивнула.

– Надеюсь, ты понимаешь, что обо всем этом нельзя никому рассказывать, даже намёком?

Настя, по-прежнему не оборачиваясь, несколько раз мелко кивнула. Потом набралась смелости, обернулась и спросила:

– Витя, а страшно было обратно возвращаться?

– Страшно.

– А больно?

– Очень... – Я вспомнил ощущения от перехода, и меня непроизвольно передёрнуло. Не хотел бы я ещё раз подобное испытать.

В этот же день произошло ещё одно событие. У меня открылась новая способность. Я только прошёл свои обычные ежедневные двадцать четыре формы тайцзицюань, как пришёл китаец Шэн-ли. В руках у него был продолговатый свёрток, обвязанный красным шнурком. Подойдя, он низко поклонился, затем опустился на колени и, положив перед собой принесённый свёрток, склонился, так что лоб коснулся земли. Дядька Андрей в это время сидел на лавке у завалинки и выкраивал из кожи заготовки, чтобы пошить новые ичиги⁸. Отложив кожу, он с любопытством стал наблюдать за развернувшимся перед ним действием.

– Позволено ли будет мне, недостойному изгнанному монаху, показать воплощению Великого Дракона несколько упражнений из древнего искусства даошу, искусства владения мечом дао?

Во как! Я уже не отмеченный Драконом, а само воплощение этого самого Дракона. Не знаю, как сказанное китайцем звучало бы по-русски, но вот по-китайски это звучит довольно торжественно и возвышенно.

– Благодарю тебя, уважаемый Шэн-ли. Я готов насладиться великим древним искусством воинов Поднебесной. – И я сделал лёгкий поклон, но чуть глубже, чем обычно.

Видно было, что китаец это оценил. В свёртке, как и ожидалось, оказались два меча дао, прекрасной работы. Один из них Шэн-ли с глубоким поклоном на вытянутых руках протянул мне. Меч идеально ложился в руку.

Надо сказать, что в своё время, ещё в той жизни, занимаясь ушу и, в частности, тайцзицюань, я заинтересовался работой с холодным оружием. Даже, и не без успеха, научился некоторым упражнениям с ним. Несколько раз, ещё во время учёбы в институте, приходилось демонстрировать свои навыки на показательных выступлениях.

⁸ Ичиги – вид лёгкой обуви, имеющей форму сапог, с мягким носком и внутренним жёстким задником. Были распространены у кавказских и среднеазиатских народов, а также у татар и терских и кубанских казаков.

Вот и сейчас, взяв в руки меч дао, я провел один из своих комплексов, чем вызвал очередную волну удивления и почтения со стороны китайца. Потом мы с ним вдвоём около часа позанимались.

Дядька Андрей, посмотрев на бесплатный цирк в нашем с Шэн-ли исполнении, хмыкнул и ушёл в избу. Вскоре он вернулся, также неся в руках что-то продолговатое, завернутое в чистое тряпицу.

– Ну-ка, Виктор, подь сюды, – позвал казак.

С этими словами он развернул свёрток. Там оказались две казачьи шашки. Одна попроще, а другая, чуть покорооче, с красным темляком и знаком ордена Св. Анны с гравировкой «За храбрость». Знаменитое аннинское оружие.

Дядька Андрей бережно взял шашку и протянул мне.

– Это твоего отца. Черкесская гурда⁹. Её ему подарил великий князь Михаил Александрович, командир Дикой дивизии, за беспримерную храбрость на поле боя. Теперь она твоя. Не посрами её.

Горло сдавил комок. Я преклонил колено, затем, взяв в руки шашку, обнажил на треть клинок и приложился к нему губами. Одна-единственная слеза упала на остро отточенную сталь. Дядька Андрей положил руку мне на плечо и слегка сдавил в знак одобрения.

Затем обнажил свою шашку и, лихо присвистнув, закрутил её вокруг себя так, что воздух загудел.

Посмотрев на бешеную пляску стали, я не выдержал:

– Ну-ка, дядька, дозвожь и мне разгуляться.

Откуда умею? Тут всё просто. Однажды меня, что называется, развели на слабо. Да не кто-нибудь, а родная жена. Как-то, посмотрев видео, где красивая девушка лихо крутит шашкой, она сказала, вздохнув:

– Красиво. Умеет же кто-то.

Я как раз вышел из кухни с кружкой кофе.

– Да любой сможет, если захочет и приложит усилия.

– Ну, смоги.

– И смогу.

– И смоги! – Марина с улыбкой хитро прищурилась. – Или слабо?

– А спорим, что смогу?

– А давай! На что спорим?

– Ну, я не знаю. Давай в пределах разумного.

– Ага, испугался! – Марина аж захлопала в ладоши смеясь. – Ладно, давай на желание.

Так я увлёкся ещё и фланкировкой. Нашёл энтузиаста, который занимался этим казачьим искусством, и с ним тренировался. Вначале из-за спора, который я, надо сказать, выиграл, а потом втянулся и занимался уже для своего удовольствия. Уже поверьте, лучше любой качалки будет. А адреналин, когда шашка со свистом рассекает воздух вокруг тебя, выделяется литрами. И неописуемый первобытный восторг. Ну и плюсом пошло моё давнее увлечение ушу и даошу.

Вот и сейчас, выйдя на середину двора, я обнажил отцовскую шашку и лихо закрутил её вокруг себя. Сознание уже полностью адаптировалось к телу, и все навыки и умения полностью восстановились. Покрутив гурду пару минут, я остановился и, протянув руку к дядькиной шашке, сказал:

– Дозвожь, Андрей Григорьевич.

Казак с интересом глянул на меня и, скинув ножны, протянул клинок мне.

⁹ Гурда – клеймо на кавказском холодном оружии, изначально западноевропейского происхождения. Шашка-гурда, то есть шашка с клеймом-гурдой, считалась лучшим и непревзойдённым холодным оружием.

И тут такая необузданная лихость на меня накатила, что я, громко крикнув:
– Эх, разгуляемся, казаки! – с посвистом закрутил уже две шашки и громко запел:

На горе стоял казак,
Он Богу молился.
За свободу, за народ
Низко поклонился.

В припев, смахнув непрошеную слезу, подключился дядька Андрей:

Ой-ся, ты ой-ся,
Ты меня не бойся.
Я тебя не трону,
Ты не беспокойся.

И тут с нами вместе вступил сильный красивый женский голос:

А еще просил казак
Правды для народа.
Будет правда на земле —
Будет и свобода.

В воротах стояла целительница Дарья, она и присоединилась к нашей песне. Так втроём и допели до конца. Я с приплясом крутил оба клинка и пел, китаец Шэн-ли, подхваченный огромнейшей энергетикой казачьей плясовой, хлопал в такт в ладони, отбивая ритм.

С последними словами песни я, упав на колено, лихо воткнул оба клинка в землю.

– Любо!!! Ох, любо!!! Ну, Витька, ну порадовал! – Дядька Андрей кинулся обнимать меня.

А я стоял, и на душе у меня было спокойствие и умиротворение. Китаец, видимо, почувствовав моё состояние, улыбался и кивал головой, словно соглашаясь с чем-то, видимым только ему.

Сладко вздохнув от нахлынувших чувств, я, кивнув в сторону тётки Дарьи, сказал:

– Ты, Андрей Григорьевич, поговори пока с Дарьей Степановной, а мы с уважаемым Шэн-ли ещё немного позанимаемся...

И вот во время этих занятий произошло ещё кое-что. В какой-то миг я решил попробовать одновременно работать с мечом и контролировать движения Силой. Эффект был поразительный. Время вокруг будто бы замедлилось. Движения китайца стали медленными и предсказуемыми. Мои же хоть и требовали заметно больше усилий, как будто воздух вокруг загустел, но остались такими же быстрыми. Я разорвал контроль Силой, и время вновь побежало с привычной скоростью. Китаец же сказал после тренировки, что в какой-то момент я будто растворился в воздухе, и мои движения стали подобны вспышке молнии.

Получается, что это не ход времени вокруг замедлился, а я настолько ускорился. Я назвал этот эффект форсажем. Вот только мышцы и суставы после таких экспериментов ломило немилосердно. Пришлось прибегать к самолечению Силой. Да и сил этот форсаж отнимает тоже довольно много. Значит, надо больше тренироваться работе с ним, иначе такой режим, в случае чего, долго не продержишь.

В начале осени 1933 года наша дружная семья увеличилась на одного человека. Целительница Дарья переехала в наш дом. Расписались они в Чагояне у председателя колхоза и получили на руки справку, что теперь они законные муж и жена. По этому поводу собрали

небольшое торжество. Чисто семейное. Из посторонних был лишь китаец Шэн-ли, да и того чужим можно было считать исключительно формально.

Молодожёны были немного расстроены лишь тем, что в округе не было церкви. Даже в Шимановске церковь ещё в двадцатые годы закрыли. Вроде как не совсем по-людски, без венчания. И тут я решил кое-что попробовать. Попросил дядьку и Дарью дать мне руки. Соединил ладонями вместе, а сверху и снизу накрыл своими ладонями и влил немного Силы. Две ауры смешались, полыхнули чистым светом и вновь разделились, но светили уже в унисон друг другу. На лицах жениха и невесты было умиротворение и благодать, а в стороне стоял Шэн-ли и тоже светился от счастья, увидев своими глазами благословение Великого Дракона.

Тем временем осенние дни становились всё холоднее и короче. К Дарье приезжали больные с надеждой на исцеление, причём ехали не только из Чагояна и Шимановска, но даже и из Благовещенска, бывало, приезжали. Я вместе с ней практиковался в диагностике и лечении, а заодно смог саму целительницу кое-чему научить.

Как-то после одного особенно сложного больного Дарья устало опустилась на лавку.

– Ох и силушки ушло, – вздохнула она, – теперь седмицу придётся восстанавливаться.

– А почему так долго? – спросил я удивлённо. Я-то восстанавливаю силу очень быстро с помощью медитации.

– Ну а как иначе-то? Пока сама собой сила не восстановится, так сколько времени-то пройдёт.

Пришлось показать, как быстро восстановиться и как развивать свой источник силы, чтобы он быстрее наполнялся. А вообще с возрастом целительницы я здорово промахнулся. Её было всего сорок пять лет. Столько же, сколько и мне там. А про то, что выглядит старше, она сама сказала:

– То плата за дар целительский. Часто хворь чужую, да всякие порчи, да наговоры на себя брать приходится и в себе сжигать. Вот и не хватает сил на то, чтобы выглядеть моложе.

И опять мне пришлось показывать, как всю эту мерзость изничтожать, не беря её на себя, да как себя самому излечить.

Ну и она тоже многому меня научила. Как распознать порчу (это как системный вирус в компьютере, только на уровне ауры), как от неё избавиться, как самому её навести, да так, что человек будет медленно буквально сгорать.

А между тем время отъезда всё приближалось. Я много думал о том, как жить дальше, и решил, что если не помогу своей стране, во всяком случае, если даже просто не попытаюсь это сделать, то не смогу себе этого простить.

Я обдумывал и такие варианты, как эмиграция в ту же Америку, чтобы стать там миллионером, но понял, что это точно не моё. Не смогу я там жить. Да, возможно, там коврижки и слаще, но это не моё. Моя Родина здесь. Хоть это и пафосно звучит, но Россия одна, в каком бы мире-времени она ни была. А значит, хватит рефлексировать и пора действовать.

Когда-то мне в руки попала книжка из жанра альтернативной истории, так там главный герой-попаданец вышел на Сталина через Кирова, закрыв его собой во время покушения. Вот и я решил действовать похожим образом. А именно, предотвратить убийство Кирова 1 декабря 1934 года. Только закрывать его собой я не собираюсь, придумаю что-нибудь получше, тем более при моих-то способностях. А там, как говорится, война план покажет.

Значит, решено. Где-то в середине лета следующего года надо отправляться в путь в Ленинград. А к тому времени надо, чтобы Настя сдала экзамены за последние два года школы-семилетки, чтобы в Ленинграде или в Москве могла пойти в полную среднюю школу и продолжить образование. Да, Настю я заберу с собой.

Вся зима, весна и первая половина лета прошли в подготовке к отъезду. Где-то за неделю до неё дядька Андрей достал из-под полов старый саквояж и сказал:

– Вот, Виктор, тут то, что осталось от ваших отца и матери. Теперь всё это я отдаю тебе, ты и распоряжайся.

С этими словами он щёлкнул замками и начал выкладывать содержимое. На столе появилось несколько внушительных кучек отдельно с царскими и с советскими золотыми червонцами, связанные пачки советских бумажных денег и две шкатулки. В одной лежали женские драгоценности, а в другой – ордена и золотые погоны подполковника русской армии.

– Драгоценности Светлана Борисовна просила передать Насте, когда та вырастет, а награды и шашка теперь твои. Деньгами сам распорядишься.

– Откуда столько? – я кивнул на разложенные монеты и пачки купюр.

– Да мы тут с твоим батюшкой... – начал, опустив глаза, дядька Андрей. – В общем, золотишко мы нашли. Видать, кто-то скрал с приисков, спрятал, да и не вернулся за захоронкой. Видно, что долго лежало золото, как бы не несколько лет. Вот мы его и прибрали, да потихоньку через верных людей обменяли на монеты. А уже после того, как отец твой погиб, я остатки золота поменял на бумажные деньги. Монетами-то золотыми не особо где расплатишься. Вмиг лихие люди узнают, да и прибить за такое богатство могут. Тут вся доля твоего отца. Без обмана. Всё до монетки и до рубля.

Он замолчал и вновь опустил руку в нутро саквояжа.

– Тут вот ещё какая штука есть... – С этими словами он достал какую-то небольшую коробку и что-то, завернутое в тряпицу. В тряпице находился пистолет Браунинг FN модель 1910 и три запасных магазина, а в коробке лежали 9-миллиметровые патроны к нему.

– Думается мне, что тебе это может пригодиться.

На следующий день мы с ним вдвоём съездили в Шимановск. Мне нужно было оформить себе паспорт. В принципе он сейчас не особо и нужен, но пусть уж лучше будет.

В здание местного отдела, уже НКВД, я прошёл один. Немного придавил Силой сидящего за столом дежурного, и он, как само собой разумеющееся, выписал мне пропуск к начальнику отдела. Начальником оказался наш старый знакомый уполномоченный ОГПУ, который после прошедшей 10 июля 1934 года реорганизации занял этот пост уже в структуре НКВД. Рассказал ему, что собираюсь ехать учиться в Москву и мне нужен паспорт, что есть постановление Совнаркома от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы».

Опять пришлось применить Силу, так как было видно, что меня сейчас просто пошлют, и далеко. И меня действительно послали, но лишь в фотомастерскую за снимком. В итоге через несколько часов я стал обладателем обклеенной серой тканью книжицы с гербом СССР чёрного цвета в верхнем углу и мелкой чёрной надписью «паспорт». И ни разу он не был похож на красную книжку с золотым большим гербом и буквами СССР.

Глава 4

И вот мы с плачущей Настей стоим в тамбуре вагона и машем стоящим на медленно плывающем назад перроне дядьке Андрею и тётке Дарье. Начался новый этап в нашей жизни. И если для меня это был не первый случай, когда приходилось коренным образом всё менять, то для Насти, которая дальше Шимановска нигде за всю свою жизнь не бывала, это было серьёзным испытанием.

Накануне мы с ней сходили на могилки наших родителей, чтобы попрощаться. Настёна наревелась, да и у меня слёзы навернулись на глаза. Вернёмся ли мы когда-нибудь сюда, я не знаю.

Договорились с дядькой Андреем, что они будут писать для нас письма в Ленинград на Главпочтамт «до востребования», ну и мы им тоже по возможности.

Сейчас наш путь лежал до Читы. Там предстояла пересадка на транссибирский экспресс. Багаж с собой взяли небольшой. Я заранее сшил из купленного по случаю в Шимановске брезента что-то вроде дорожной сумки, в которую положили немного из одежды, скорее для маскировки, часть денег и монет, а на дно – отцовскую шашку, завернутую в несколько слоёв материи. Да ещё соорудил небольшой рюкзак, наполненный сейчас едой на дорогу, сменной одеждой, а также остальными монетами и деньгами, плотно упакованными в кошель из шкур. Необычно, зато не гремят и на ощупь не сразу поймёшь, что это такое. Пистолет с патронами также уложил в рюкзак. Надеюсь, в дороге не пригодится, а там дальше кто знает. Ещё в Шимановске купил себе в дорогу куртку-юнгштурмовку с ремнём и портупеей (так и не понял, как она здесь оказалась) и брюки такого же цвета хаки.

Забыл упомянуть, что с нами едет ещё один попутчик. Это китаец Шэн-ли. Из Читы он по КВЖД отправится в Китай. Решил ехать проповедовать приход Великого Дракона. Ну а чтобы ему поверили те, кто обладает даром видеть энергию Ци, я Силой поставил ему что-то вроде ментальной метки в виде красного дракона (нашёл картинку в памяти), заключённого в золотую пятиконечную звезду, символ пяти стихий. Немного схулиганил, и дракон у меня держал в лапах серп и молот. Китаец был счастлив до небес, ведь его отметил земное воплощение Тяньлуна. Впрочем, в Китае для него есть поручение, но об этом поговорю с ним в Чите.

До Читы добрались без приключений. Больше двух суток тряслись в плацкартном вагоне. Настя поначалу шмыгала носом и вытирала платочком слёзы, что текли из глаз, а потом буквально прилипла к окну и не отрывалась от него до самой Читы.

Ещё в дороге я поинтересовался у Шэн-ли, может ли он найти в Чите своих земляков, которые занимались бы гравировкой и ювелирным промыслом. Китаец задумался и обещал помочь.

Как говорится, мы ехали, ехали и, наконец, приехали. Чита встретила нас солнечной погодой и милиционером в белой гимнастёрке и в белом фетровом шлеме с бирюзовой звездой, с важным видом прохаживающимся по перрону.

Шэн-ли увидел кого-то из соотечественников и побежал прояснить, так сказать, обстановку, а мы отправились в здание вокзала узнать о билетах на транссибирский экспресс до Москвы. Как я знал, один прошёл буквально накануне, обогнав нас на одной из станций, а другой должен был быть буквально завтра-послезавтра, но оказалось, что расписание изменилось и следующий пройдёт с задержкой ровно через неделю. Из разговоров служащих на станции понял, что где-то ближе к Владивостоку какой-то мост ремонтируют и поезда оттуда не идут.

Плохо, конечно, но тут уж ничего не поделаешь. Можно было бы добираться на перекладных с пересадками, но это трата времени, сил и нервов. Оно мне надо? Подождём. Надо только с проживанием на эту неделю определиться. А кроме того, ещё я узнал, что, оказывается, у транссибирского экспресса есть два маршрута. Один – на Москву, а второй – на Ленинград, и

вот как раз ленинградский и должен быть следующим. Ну хоть с этим повезло, хотя билетов на него пока не было, но с этим разберусь позднее. В крайнем случае придётся воспользоваться Силой и организовать билеты через какое-нибудь местное начальство.

Не успели мы с Настей выйти из здания вокзала, как к нам подбежал Шэн-ли.

– Виктор, – кто бы знал, каких трудов мне стоило убедить китайца обращаться ко мне по имени, а не называть меня каждый раз Великим Драконом, – здесь на окраине есть небольшое китайское поселение, и мы можем пока остановиться там. До следующего поезда ждать не меньше недели. Там же есть и мастер-гравёр, и те, кто делает золотые украшения.

Что интересно, говорил китаец по-русски практически без акцента. Когда хотел. А иногда, чаще с незнакомыми, начинал придуряться и безбожно коверкать слова.

До поселения китайцев, которое местные называли (вот удивили-то) Шанхаем, пришлось добираться через весь город на извозчике. Настя вся извертелась, рассматривая всё по сторонам. Похоже, у неё случился своего рода футурошок. Она почти ничего не спрашивала, лишь иногда вдруг хватала меня за руку. То ли ещё будет, когда приедем в Питер.

Китайцы встретили нас, скажем так, нейтрально. Ну приехали и приехали какие-то парень с маленькой девчонкой. Значит, надо им тут что-то. А вот в доме, к которому мы направились, было всё не так однозначно. Я просканировал Силой, насколько смог. У двери большой фанзы, вроде так называется это жилище, стояли двое молодых китайцев, и от них явно веяло враждебностью. В самой же фанзе нас ожидали пятеро более старших китайцев, а один из них так вообще был стариком. Вот старика-то я в Силе плохо видел. Видимо, он когда-то прошёл обучение в одном из монастырей Китая и умел скрывать свою Ци. Остальные четверо излучали лишь интерес, без каких-то других эмоций.

С Шэн-ли мы договорились, что я не буду афишировать своё знание китайского языка, поэтому он в случае необходимости будет кем-то вроде переводчика. Оставив Настю с вещами в одной из комнат, где ей сразу предложили чай и какие-то сладости, я прошёл к ожидавшим.

– Добрый день, – поздоровался я с лёгким вежливым поклоном, обратившись к присутствующим. – Мне нужна ваша помощь, за которую я готов хорошо заплатить.

– И сколько ты готов заплатить? – раздалось сзади. Появление тех двоих, что встретили нас на входе, я уже заметил. – Ты готов заплатить золотом или только советскими деньгами?

– Я заплачу столько, сколько потребуется, но в пределах разумного. Могу рублями, могу золотом.

Эх, как полыхнуло от них алчностью. Похоже, ребятки решили, как это называлось там, развести лоха. Ну-ну, посмотрим, что из этого у вас выйдет.

– Подожди, Чэн Зедонг, – произнёс старик по-китайски, – пока не время спрашивать о деньгах, мы ещё не всё выяснили.

– Дайте мне его на несколько минут, и этот русский ублюдок сам всё расскажет, что вас интересует, и отдаст всё, что у него есть. Он только что приехал, и его здесь никто искать не будет.

М-да, парнишка, похоже, пошёл по беспределу. Придётся наказать, но пока послушаю, что ещё скажут. Самое интересное, что Шэн-ли, так же, как и я, стоит, не выражая никаких эмоций. Абсолютно спокоен.

– Скажи, юноша, – обратился ко мне один из присутствующих, – почему ты назвался Великим Драконом?

– Я так не назывался, уважаемый. Так назвал меня присутствующий здесь Шэн-ли... – Кивок в сторону моего спутника. – Я не видел причин, чтобы разубеждать его в этом.

– И ты можешь доказать, что ты действительно Дракон? – В вопросе так и сквозило сарказмом.

– Мне нет необходимости что-либо кому-то доказывать, – ответил я с лёгким поклоном.

– Да хватит уже болтать! – не выдержал молодой и попытался схватить меня за шиворот, но ухватил лишь пустоту. Новая попытка схватить меня – и снова рука проваливается в никуда. Тогда, расвирепев, он попытался меня ударить. И опять мимо.

– Что-то тут болотной тухлятиной запахло, – сказал я по-китайски.

Мне нужно было окончательно вывести его из себя, а про болото упомянул потому, что его имя, Зедонг, означает «живущий к востоку у болота». Он мне нужен был в качестве мальчика для битья. Как говорится, добрым словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом.

Зедонг окончательно впал в ярость и, выхватив откуда-то здоровенный тесак наподобие мачете, пошёл на меня, размахивая им перед собой. Я на всякий случай слегка ускорился форсажем и, отведя ладонью пару ударов, взял руку с тесаком на болевой. Китаец взвыл, выронив своё оружие, а я развернул его спиной к себе и отвесил смачного пинка пониже спины. Ну если он после этого не потеряет остатки и так не слишком развитого разума, то я уже просто не знаю, что с ним делать.

И мой противник меня не разочаровал. Я не успел увидеть, как у него в руке появился маленький пистолет. Скорее, инстинктивно, чем осознанно, я нанёс ментальный удар, обездвигивая врага. Было видно, как он силится преодолеть оцепенение, сковавшее всё его тело, и нажать на спусковой крючок, но ничего не выходит. Я неторопливо подошёл к нему и забрал из его рук дамский пистолетик.

– Знаешь, а я, пожалуй, дам тебе шанс, – глядя в глаза китайцу, произнёс я, отщёлкнув магазин и высыпав патроны себе на ладонь. – Я дам тебе даже не один, а три шанса. Я разрешаю тебе трижды выстрелить в меня, и если ты после второго выстрела не встанешь передо мной на колени, то после третьего я убью тебя. Вернее, ты сам убьёшь себя. Мараться о тебя – это ниже моего достоинства. Ты сам себе своими же руками разорвёшь горло. Так как, ты готов умереть?

С этими словами я зарядил в магазин три патрона и защёлкнул его на место.

– Я разрешаю тебе кивнуть головой, если ты принимаешь моё условие.

Китаец чуть заметно кивнул. Я вложил обратно ему в руку пистолет и отошёл к противоположной стенке. Если честно, то я не был на все 100 % уверен, что смогу увернуться от пули даже на полном форсаже. Тут 50 на 50. Хотя, скорее, всё же 70 на 30 в мою пользу. Всё же эмоции я считать могу.

– Ты можешь начинать.

Китаец вышел из оцепенения и посмотрел вначале на лежащий в руке пистолет, потом – на меня, видимо, решая, стоит ли со мной связываться. Решился. Вскинул руку и выстрелил. Я, как в замедленной съёмке, увидел, как затвор пистолета начинает движение назад, как из ствола вылетает пуля с закруглённым концом, сопровождаемая облаком дыма от сгоревшего пороха. Медленно-то она медленно летит, но всё же довольно шустро. Едва успеваю сделать пол-оборота корпусом и пропустить пулю впритирку к груди. Точнохонько шла, прямо в сердце. Второй выстрел. Пуля летит куда-то чуть выше. Похоже, что в голову. Делаю полшага в сторону.

Китаец опускает взор на пистолет, потом с ужасом смотрит на меня. Ну и? Всё, пистолет медленно падает на пол, и мой противник плавно опускается на колени.

Отключаю форсаж и подхожу ближе к распростёртому ниц побеждённому.

– Ты признал своё поражение?

– Да, мой господин.

– Встань.

Китаец поднялся на ноги, низко склонив голову.

– За то, что ты оскорбил меня, назвав ублюдком, ты в течение месяца не сможешь говорить и произносить какие-либо звуки. Я знаю, кто был мой отец, и в моих жилах течёт кровь русских князей. Это было первое наказание тебе. Теперь второе. За то, что ты осмелился под-

нять на меня руку, я лишаю тебя возможности шевелить обеими руками сроком, – я сделал вид, что задумался, – скажем, на неделю.

Было видно, как руки китайца безвольно опустились, а глаза наполнились ужасом.

Тем временем я продолжил:

– Ну а за то, что ты усомнился во мне, я приказываю тебе сопровождать моего посланника, служить ему и защищать даже ценой своей жизни, – я кивнул в сторону Шэн-ли, – пока он не достигнет цели своего пути. Понял ли ты меня, Чэн Зедонг?

Он быстро закивал головой.

– Ты можешь идти и готовиться к путешествию. А заодно реши для себя, кому ты готов служить. Всё, иди.

Китаец склонился и, пятясь назад, вышел. Было видно, что руки у него висят, как плети.

– Итак, господа, нас прервали, – обратился я на китайском языке к сидящим, как я понял, старейшинам. – Можете ли вы оказать мне помощь?

Тут с улицы донёлся какой-то шум. Включив восприятие, я увидел Силой приближающуюся к фанзе толпу человек в двадцать. Похоже, спутник Зедонга, сбежавший в самом начале нашей «беседы», привёл подмогу.

– Вынужден извиниться, господа, – улыбнулся я во все свои тридцать два зуба, – нам вновь хотят помешать. Я ненадолго покину вас.

Шутливо прищёлкнув каблуками, я вышел на улицу. Весёлая компания вся была здесь.

– Убейте его, – заорал тот, что привёл всех сюда, – у него есть деньги и девка. Деньги мы заберём, а девкой попользуемся все по очереди!

Ну всё, уроды. Не хотел я здесь никого убивать, но после таких слов вам точно не жить. Убью в крайне жестокой форме.

– А ну, тихо! – рявкнул я, слегка усилив голос Силой.

Воцарилась гробовая тишина.

– Господа, не будем же мы устраивать беспорядок у дверей этого дома, – абсолютно спокойным голосом сказал я. – Давайте отойдём на середину улицы, чтобы потом было удобнее собирать ваши трупы.

Страх я не чувствовал никакого. Я просто знал, что вся это толпа с тесаками и палками, окружившая меня, мне не противники, что они уже мертвы, просто ещё не знают об этом.

Кто-то из них что-то завопил, и они разом бросились на меня. Я не стал изображать из себя мастера кунг-фу, а нанёс ментальный удар вокруг себя, выжигая нападавшим мозги. Мгновение – и вся шайка падает замертво на пыльную дорогу.

И тут наступил жесточайший откат. В глазах потемнело, ноги резко ослабли, и я опустился на колени, опершись рукой в землю. Наверное, я на какое-то время потерял сознание, потому что пришёл в себя от чьего-то прикосновения к плечу. И именно это прикосновение, такое родное, доброе и ласковое, вернуло мне силы. Рядом стояла Настя, вытирая слёзы. Тел нападавших уже не было.

– Витенька, ты меня так напугал, – всхлипывая сказала сестра. – К тебе больше часа никто не мог подойти. Подходили на пару шагов и падали, как в обморок. И только я смогла. – Она чуть заметно улыбнулась сквозь слёзы.

– Ну прости меня, сестрёнка. Опять я напугал тебя, – виновато улыбнулся я ей.

– Они сказали, – Настя кивнула в сторону стоящих одной кучкой старейшин, – что ты защитил нас. А кто на нас нападал-то?

– Да были тут пара человек, но, видать, убежали, а мне что-то плохо стало. Но теперь уже всё хорошо, – быстро произнёс я, глядя в тревожно вскинутые глаза сестры. – Ты, постой тут, а я сейчас переговорю, и пойдём искать жильё на неделю.

Стоило лишь мне сделать пару шагов в сторону старейшин, как они все склонились в почтительном поклоне. Самый старый из них произнёс:

– Мы просим прощения у Великого Дракона за наши сомнения и за то, что на него напали в нашем доме. Уверяем, что нападавшие не имеют к нам никакого отношения. Моё Ци открыто для Великого Дракона, и он может увидеть искренность этих слов.

Действительно, теперь я ясно видел ауру старика, и он мне не врал.

– Кто были эти нападавшие?

– Они пришли к нам вскоре после войны на дороге (имеется в виду конфликт на КВЖД). Они не уважали наши правила и обычаи, не хотели жить мирно, а занимались разбоем и грабежом. Мы пытались прогнать их, но у нас ничего не получилось. Мы благодарны Великому Дракону за то, что он избавил нас от этих бандитов. – Старик вновь почтительно поклонился. – Мы окажем уважаемому Дракону любую помощь, которая будет в наших силах, и будем счастливы видеть его самого и его сестру нашими почётными гостями столько, сколько он пожелает.

– Я благодарен за ваши слова, уважаемый Су Вейж.

Старик удивлённо посмотрел на меня, ведь имени своего он мне не говорил, а узнать его от кого-либо я просто не успел. Имя его я выяснил, когда как бы случайно смог коснуться его, и сработал контакт.

– Пусть проводят мою сестру туда, где она сможет отдохнуть, и отнесите туда наши вещи, а потом мы обговорим, какую именно помощь я хотел от вас получить.

– Настён, – обратился я к сестре, – сейчас тебя проводят туда, где мы будем жить до отъезда. Там тебя покормят, и ты отдыхай, а я попозже подойду.

Две девушки с поклоном подошли к Насте и повели её. Я сходил за вещами и отдал их Шэн-ли, предварительно вытащив из сумки шашку отца.

Китаец ушёл вслед за Настей, а я обратился к старейшинам:

– Уважаемые, мне нужно сделать на ножны табличку с гравировкой, текст я дам. Кроме того, надо накрыть пятиконечной красной звездой вот этот орден. – И я показал на орден Св. Анны, укрепленный на эфесе шашки. – Но сделать это надо так, чтобы не повредить сам орден и чтобы потом можно было легко снять звезду.

Старейшины уверили меня, что всё сделают быстро, и забрали шашку и листок с текстом для гравировки. Всё это я затеял, чтобы впоследствии до поры не возникли вопросы, что это за шашка, чья она и как оказалась у меня. На пластинке, прикреплённой к ножнам, будет текст: «Ком. эскадрона Головину за революционную храбрость и пролетарскую сознательность от Реввоенсовета РСФСР».

Добравшись до выделенной нам с Настей комнаты, я упал на лежанку, и тут меня, что называется, накрыло. Видимо, то, что я причинил столько смертей, воспользовавшись Силой, не осталось без последствий. Меня трясло и буквально выворачивало наизнанку. Ощущения были близки к тем, что были во время переноса.

Я потерял счёт времени и не осознавал, как долго это длилось. Перепуганная Настя сбегала и разыскала Шэн-ли и буквально притащила его ко мне. Китаец же, посмотрев на меня, просто сел рядом с лежанкой и велел сестре сделать то же самой и взять меня за руку, а сам принялся негромко напевать какой-то заунывный мотив.

А моё сознание металось во тьме, ища выход. Но везде были лишь тьма и боль. И вдруг через эту вязкую и липкую тьму ко мне протянулся луч чистого света и коснулся моей истрадавшей души. Я потянулся за этим лучиком и наконец-то вынырнул из всей этой мерзости. Душа вновь соединилась с телом, и наступил покой.

– Что это было? – хрипло спросил я, едва придя в себя.

– Твое внутреннее Ци воспротивилось тёмному проявлению внешнего Ци, поэтому гармония и единение между ними были нарушены. Инь и Ян вступили в борьбу друг с другом и едва не убили тебя. Но твоя сестра поделилась своими силами со светлым Ян, и тёмный Инь подчинился.

– Спасибо тебе, Шэн-ли, – я кивнул китайцу в знак благодарности. – И тебе, Настя. Я почувствовал вашу поддержку и смог выкарабкаться.

Настя со слезами бросилась мне на грудь. Ну вот, опять напугал сестрёнку и довёл до слёз.

Я гладил её по голове и шептал на ушко:

– Ну не плачь, всё уже хорошо. А хочешь, я тебе песенку спою?

– Песенку? – Настя удивленно подняла на меня глаза.

– Ага. Хорошую красивую песенку.

– Хочу. Спой... – Ну вот, слёз как не бывало.

Китаец, почтительно склонившись, вышел за дверь.

– Ну тогда слушай.

И я запел:

Слышу голос из Прекрасного Далека,
Голос утренний в серебряной росе.
Слышу голос, и манящая дорога
Кружит голову как в детстве карусель.

Прекрасное Далеко, не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко, жестоко не будь.
От чистого истока в Прекрасное Далеко,
В Прекрасное Далеко я начинаю путь....

Я пел, а Настя заворуженно слушала. Всё-таки есть песни, которые на все времена. Сейчас такие уже не пишут. Так, стоп, какое «сейчас не пишут»? Сейчас-то как раз именно такие песни и пишут. И напишут ещё больше, а я помогу. А почему бы и нет? Песни эти вообще не из этого мира, а из хоть и идентичного, но всё же другого. А тут напишут другие, и станет хороших и правильных песен только больше. Хм, а это мысль.

А что, если исполнять их будет Настя? Всё, решено, будем делать из неё самую лучшую в мире певицу, тем более что голос и музыкальный слух у неё есть. А репертуаром я её обеспечу.

– Какая красивая песня, – восторженно произнесла Настя и, обернувшись на закрытую дверь, чуть слышно спросила: – Витюш, это ведь оттуда песня?

– Оттуда, – со вздохом произнёс я.

Всё же скучаю я по оставленным там братьям.

– Витюш, – Настя вновь обернулась на дверь, – а расскажешь, как ты там жил?

– Расскажу, сестрёнка. Но не здесь и не сейчас. Потерпишь? – ласково потрепал я её за волосы.

Следующий день я решил посвятить походу по магазинам. Нам с Настей надо было обновить свой гардероб. Попросил Шэн-ли раздобыть какую-нибудь небольшую сумку или портфель, чтобы переложить туда часть денег, и он принёс самую настоящую командирскую сумку. Не новую, но в отличном состоянии. То, что надо. Она вполне естественно сочетается с моей юнгштурмовкой и лишних вопросов не вызовет.

Взял с собой денег побольше, потом подумал и положил по несколько штук царских и советских золотых червонцев, и мы отправились в город. Мы – это я с Настей и Шэн-ли с молодым китайцем, которого отправили с нами, чтобы показать, где и что в Чите.

Ну, что могу сказать? Не впечатлило. Для меня, видевшего больше, чем кто-либо другой в этом мире, всё было каким-то излишне простоватым и серым по ощущениям. Настя же с восхищением перебирала какие-то платья на вешалке в магазине. Для неё, в общем-то, не видевшей ещё ничего, всё было безумно красиво и роскошно. М-да, и это для неё, дочери

князя и графини, которая, родись лет на 20 пораньше, могла бы блистать на балах в роскошном бальном платье, сводя кавалеров с ума. Видимо, на моём лице было такое выражение, что пара продавцов, находящихся здесь, старались обходить меня стороной.

– Гхм, – послышалось со спины, – я таки дико извиняюсь, но мои старые глаза говорят мне, что молодой человек чем-то недоволен?

Подошедший был одет в костюм-тройку, и даже дилетанту в мире одежды было сразу видно, что костюм этот явно не был куплен здесь. Чувствовалась рука мастера.

– Простите, а вы, собственно, кто? – спросил я подошедшего, хотя уже догадывался о его сфере деятельности.

– О, прошу меня простить, я не представился. Давид Исаакович Фридман. Я заведу пошивочной мастерской при этом магазине. – И он с иронией в глазах обвёл взглядом вокруг и, как бы извиняясь, развёл руками.

– Скажите, уважаемый Давид Исаакович, положи руку на сердце, а вам самому вот это, – я кивнул в сторону висящей готовой одежды, – нравится?

– Ну, таки люди покупают.

– Ну, наверное, – в тон ему ответил я, – у них просто больше выбора нет.

– Хм, а у вас, молодой человек, похоже есть вкус, и вы разбираетесь в хорошей одежде. – Он задумчиво посмотрел на меня, словно что-то решая. – А пойдёмте-ка со мной. И спутницу свою возьмите. Возможно, я смогу помочь вам.

Через несколько минут мы входили в ателье, расположенное в том же здании. Откуда-то из глубины помещения был слышен стрёкот нескольких швейных машинок. Похоже, недостатка клиентов здесь не было.

– Итак, молодой человек, чем старый еврей может вам помочь? – с лёгкой одышкой спросил Давид Исаакович.

– Астма? – поинтересовался я.

– Не обращайтесь внимания. Когда-то давно переболел туберкулёзом, и с тех пор иногда мне становится трудно дышать. Но это не мешает мне видеть, когда человеку нужно красиво одеться.

– Да, вы правы, Давид Исаакович. Нам действительно нужно красиво и удобно одеться, и у нас на это есть средства, но совершенно нет времени ждать. Максимум дней пять или шесть, и потом мы должны сесть на поезд.

– Времени действительно мало, и давайте-таки не будем его тратить впустую. Что бы вы хотели видеть? Может, у нас найдётся что-то из готового, или придётся строить вам новый костюм и платье для вашей прекрасной спутницы?.. – От этих слов Настя запунцовела и спряталась за мою спину.

– Я бы хотел для моей сестрёнки пару хороших платьев по моим эскизам. – Старый еврей удивлённо посмотрел на меня. – Да-да, уважаемый, эскизы будут мои. Также для неё брючный костюм.

– Брючный? Для девушки? Я, конечно, слышал, что где-то в Америке это становится модным, но не знал, что докатилось уже и до нас.

– Спешу вас успокоить, пока не докатилось, но это временно. Также для неё какую-нибудь приличную дорожную одежду. Ну, вы меня понимаете.

Давид Исаакович задумчиво кивнул:

– Для меня – брюки и френч, тоже по моим эскизам, и также что-нибудь для дороги. Ну и бельё и всё необходимое для нас двоих.

– Молодой человек, вы ставите просто нереальные сроки. Я промолчу за деньги, которые вам это всё будет стоить, но скажу за время. Всё, что можно успеть, это построить одно платье, ну, хорошо, два платья и ваш френч. А чтобы успеть всё, я должен буду посадить всех работ-

ников шить только ваш заказ. И это при том, что бельё и дорожную одежду мы вам подберём готовую.

– Давид Исаакович, а давайте поможем друг другу.

– И каким это образом?

– Я избавлю вас от вашего недуга навсегда, а вы поможете нам с одеждой. Естественно, я полностью всё оплачу, но надо успеть за отпущенное время.

– А вы, молодой человек, я извиняюсь, врач?

– Ни в коем случае. Я лучше, чем врач. – Увидев скепсис в глазах собеседника, я продолжил: – Давайте поступим таким образом. Я сейчас вам помогу, потом мы с вами посмотрим эскизы, вы скажете, сколько это будет стоить, хотя бы примерно, я с вами рассчитаюсь, и вы начнёте работу. А завтра вы сходите к своему врачу и попросите осмотреть вас. Если результат осмотра вас удовлетворит, то вы до нашего отъезда всё сошьёте, а если нет, то и деньги, и наш заказ останутся у вас. Такой вариант вас устраивает?

– Ну давайте попробуем, – задумчиво произнёс мастер. – В конце концов, я ничего не теряю. Что мне надо сделать?

– Ничего. Просто сидите как сидите.

Я подошёл к Давиду Исааковичу и положил ладони ему на грудь.

– Что же вы, уважаемый, мне не всё рассказали? Ай-яй-яй, почему не сказали, что когда-то какой-то поц прострелил вам голень, и теперь у вас немеет нога ниже колена? Почему не сказали, что у вас периодически бывает тяжесть в печени?

– Откуда вам это всё известно? – вскинулся еврей.

– Я же говорил вам, что я лучше, чем врач, а сейчас сидите и расслабьтесь. Дело значительно сложнее, чем казалось сначала.

Я сосредоточился на лечении. В первую очередь привёл в порядок лёгкие и бронхи. Последствия туберкулёза были довольно плохо залечены. Потом принялся за печень, а заодно и за желудок, поджелудочную железу, почки. Очистил от шлаков, залечил язвочки, запустил процесс восстановления. С ногой всё было гораздо проще. Соединил разорванные нервные окончания, растворил соли, отложившиеся на суставах.

А вообще Давид Исаакович Фридман оказался неплохим человеком. Сработал контакт, и я знал о нём всё. Он также бежал от революции и Гражданской войны. Хотел пробраться в Харбин, но случилась любовь, и он остался здесь, в холодной Сибири. Никогда не отказывал никому в помощи. Практически все работники его ателье были из тех, кого он в своё время приютил и кому помог с работой и крышей над головой. Такому человеку и помочь можно.

Всё, дело сделано. Открыл прикрытые глаза и отступил от своего пациента на пару шагов. Давид Исаакович ещё с полминуты сидел неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Вы знаете, молодой человек, а я вам верю. Так прекрасно я себя не чувствовал с самой молодости. У меня на редкость ничего не болит, ничего не беспокоит, а дышится просто замечательно. И я таки построю вам всё, что вы хотите, и сделаю всё хорошо и быстро.

Мы сели за стоящий здесь же стол, и я на листах бумаги набросал то, как я вижу наш заказ. Для Насти я выбрал приталенное тёмно-синее платье в стиле конца сороковых годов моего мира с белым воротничком и белыми манжетами на коротких, чуть выше локтя, рукавах, ещё одно вечернее платье, но тут уже мастер-еврей упёрся и настоял на том, что его он сошьёт сам без моих подсказок. Брючный костюм бежевого цвета привёл его в восторг.

Для себя я набросал рисунок, больше напоминающий знаменитый китель Мао Цзэдуна чёрного цвета с накладными карманами, чёрные же брюки, а также белый френч с белыми брюками, как у Джона Престона, клерика Тетраграмматона из фильма «Эквилибриум», который я смотрел в той жизни. Да ещё купили пару светлых платьев для Насти из готового.

Из ателье мы вышли спустя несколько часов уставшие, но довольные. Мерки были сняты, и Давид Исаакович клятвенно заверил нас, что всё будет высочайшего качества и готово в срок. Кроме того, он обещал подобрать ко всему ещё и обувь, о которой я совсем не подумал.

Глава 5

Чита провожала нас пасмурной погодой. Дождя не было, но тучи, висевшие над городом, уже подумывали ливануть весёлым ливнем. Поезд, на шикарных вагонах которого крупными буквами красовалась надпись «Транссибирский экспресс», стоял у перрона, по которому прогуливались, разминаясь, его пассажиры.

Не знаю, каким образом, но китайцы смогли раздобыть билеты в вагон-люкс в двухместное купе. Само купе было просто шикарным. Мягкий диван внизу, такая же мягкая откидная полка сверху, столик у окна и удобное кресло у столика, шкаф с вешалками для вещей. Была и ещё одна дверь, за которой скрывались умывальник, душ и туалет. Настя, увидев всю эту роскошь, застыла в дверях.

– Проходи, не стесняйся, – слегка подтолкнул я её, – на ближайшие почти две недели это наш дом. Верхнюю полку, чур, не занимать.

Закинув вещи внутрь купе и оставив в нём Настю, я вышел на перрон. Провожающих у нас не было. Шэн-ли со своим сопровождающим уехал накануне, а местные китайцы были безмерно счастливы нашему отъезду. Наш друг-китаец получил от меня послание, которое он должен был доставить в Тибет в главный монастырь Дрепунг, резиденцию Далай-ламы, его настоятелю и всем находящимся там монахам. Послание я написал на свитке, который запечатал в герметичный тубус. Ну и влил в печать побольше Силы, чтобы того, кто будет его открывать, как следует приложило. Для лучшего понимания важности послания.

А написал я о том, что Великий Дракон недоволен контактами тибетских монахов с немцами. Что в тридцать восьмом году к ним прибудет немецкая экспедиция, все члены которой будут отмечены знаком двух параллельных молний (нарисовал символика СС) и чёрной свастикой в белом круге на красном фоне (рисунок прилагается). Что это слуги демонов тьмы, они неполноценные, и им не место в священных чертогах. Что следует с уважением относиться к посланникам Великого Дракона, отмеченным его знаком, красным драконом в золотой пятиконечной звезде, как у того, кто передаст это послание. Что Великий Дракон не забыл своих детей и видит все их деяния.

Если честно, то писал всё это без особого умысла. Просто по принципу: сделал другому гадость, а на сердце радость. А гадость хотел сделать нацистам. Нечего им шлаться где ни попадя и лезть в Тибет.

Выйдя на перрон, я едва не столкнулся с девушкой, на вид ровесницей Насти, тихонько идущей вдоль вагонов, опустив голову. От неожиданности она оступилась и упала бы, если бы я не успел подхватить её.

– Оля! Оленька! – К нам бежали высокая красиво одетая женщина и мужчина в чёрной морской форме. – С тобой всё в порядке?

А я стоял, держал её за руки и не мог отвести глаз. Передо мной стояла... МОЯ МАРИНА!!! То же лицо, те же глаза, даже искорка где-то в глубине печального взгляда та же.

– Оленька, как же ты так? Просили же тебя одну не отходить далеко... – Подбежавшая женщина стала осматривать девушку. – С тобой всё в порядке?

«Какой, нафиг, в порядке?! – чуть не заорал я. Да у неё сердце чуть работает, того и гляди остановится. Там такое, что диву даешься, как она до сих пор жива!»

Всё ещё держа девушку за руки, я немножечко влил в неё Силу и слегка подлечил больное сердце. Чёрт! Чёрт!!! Ни за что не прощу себе, если снова её потеряю! И много Силы сразу передать нельзя, так как слабый организм просто не выдержит. Держись, моя хорошая, я всё сделаю, чтобы ты была здорова и вернулась к нормальной жизни.

Девчонка явно почувствовала себя лучше и, посмотрев мне в глаза, тихонько произнесла:

– Спасибо!

А меня от этого взгляда словно током прошило, и я едва не потерял над собой контроль. На соседнем столбе лопнула лампа в фонаре.

– Спасибо вам, молодой человек! – Мужчина в морской форме протянул руку.

– Да не за что, товарищ... – Я, смутившись, посмотрел на рукав формы, где была нашивка с четырьмя полосками и красной звездой над ними. – Извините, я не очень хорошо разбираюсь в военно-морских званиях.

– Капитан второго ранга Стрельников Николай Фомич.

– Очень приятно. Головин Виктор... – Я пожал протянутую руку.

Есть контакт. Капитан второго ранга Стрельников, помощник командира бригады береговой обороны, едет с женой и дочкой в Ленинград, добившись перевода на Балтийский флот. Всё дело в дочке. У неё порок сердца и необходима срочная операция, которую могут сделать лишь в Ленинграде. Перевода долго не давали, но выручил комбриг, который хоть и неохотно, но всё же отпустил, войдя в сложное положение своего помощника. Стрельников уже съездил в Ленинград, получил назначение, определился с жильём и, выхлопотав отпуск, вернулся за семьёй.

– Виктор, а вы тоже едете этим поездом? – вступила в разговор мама девушки. – Ой, простите, не представилась: Стрельникова Антонина Владимировна. – И она тоже протянула руку.

– Очень рад знакомству, – тихонько пожимаю руку в ответ, одновременно прищёлкнув каблуками и коротко кивнув. Получилось, надеюсь, красиво и стильно.

Контакт сработал снова. Типичная жена русского офицера. Родилась в Порт-Артуре в семье служащих за восемь лет до Русско-японской войны. Потом семья перебралась в Санкт-Петербург, где получила прекрасное образование и где, уже после революции, познакомилась с красным военмором. Прошла с мужем все ступени службы и всю жизнь была ему надёжным тылом. Семейное счастье омрачила болезнь дочери. Теперь везёт свою кровиночку в Ленинград с последней надеждой, леденя от ужаса при каждом приступе у дочери.

– Да, мы с сестрой едем в Ленинград продолжить учёбу.

– А ваша сестра здесь? – Женщина заозиралась по сторонам.

– Нет, она ждёт в нашем купе...

Я показал рукой на стоящий позади меня вагон, чем вызвал неподдельное удивление в глазах семейства. Похоже, в таком вагоне поездка не каждому по карману. А я так и не узнал у местных китайцев, сколько они заплатили за наши билеты, а деньги взять с меня они наотрез отказались, сказав, что это извинение от них за неучтивость при первой встрече. Извинения были приняты.

От вокзала долетел звук колокола, и народ с перрона потянулся по вагонам. Семейство Стрельниковых пошло к соседнему с нашим вагону. Дальше был вагон-ресторан. Значит, каждый раз, когда пойдём подкрепиться, будем проходить мимо них. Это очень хорошо. Буду потихоньку налаживать отношения с этим семейством в целом и с Мар... Уф, конечно же, с Ольгой, в частности.

– Витя, ты чего такой, как будто тебя по голове ударили? – заметив моё состояние, спросила Настя. Она уже успела часть вещей разложить по полкам и развесить по вешалкам.

От платьев, пошитых старым евреем, сестра была в полном восторге, а уж несколько пар туфелек вызывали у неё просто умиление. Да, Давид Исаакович успел сшить нам всё, что мы заказали, и даже привёл знакомого еврея-обувщика (и почему я не удивился?), который буквально на следующий день принёс Насте и мне по несколько пар туфель. Настины были даже на небольшом каблуке, и это привело её в состояние неопишуемого восторга. Время от времени она доставала какие-нибудь туфли из коробки и ласково гладила их ладошкой, как котёнка, мило улыбаясь при этом.

В эти мгновения она просто до безумия любила своего и без того обожаемого брата, который организовал ей и это путешествие, и эти замечательные платья, и костюмчик с брючками, который ей так шёл, и эти безумно красивые туфельки. И сам оделся так, что Витюшей его называть язык уже не поворачивался. Этого солидного и строгого юношу можно было называть лишь Виктором или, если по-простому, по-домашнему, Витей.

– Всё нормально, сестрёнка. Просто встретил кое-кого. Как воспоминание о той жизни.

Настя не стала развивать тему, хотя и было видно, как сильно ей хотелось узнать о моей жизни там побольше.

В это время раздался протяжный паровозный гудок, и вагоны, лязгнув сцепками, плавно поплыли, оставляя позади перрон с вокзалом и город Читу, в котором меня хотели ограбить и убить, в котором теперь в районе Шанхай будут почитать Великого Дракона и в котором мне встретились в том числе и замечательные люди.

Примерно часа через полтора в дверь купе постучали. Проводник, солидный дядька с пышными усами, поинтересовался, будем ли мы заказывать себе ужин в купе или пойдём в вагон-ресторан.

Мы решили прогуляться. Посоветовал сестре надеть брючный костюм с красными лакированными туфельками на каблуке. Сам решил идти как есть, в чёрном кителе. Будет красивый контраст. Лишь приколот комсомольский значок, чтобы поменьше возникало ненужных вопросов. Кстати, значок совсем не похож на привычный мне по прежней жизни. На нынешнем нет портрета Ленина и надписи ВЛКСМ. Здесь значок представляет собой красный флажок, в центр которого помещён круг со звездой, а на звезде – буквы КИМ¹⁰.

Наше появление в вагоне-ресторане было встречено гробовой тишиной. Мужчины и женщины смотрели на нас с Настей с немим восхищением. А учитывая контраст в одежде, эффект был просто сногшибательным.

Рядом мгновенно материализовался, словно из пустоты, официант и провёл нас к свободному столику. Сделав заказ, я попросил принести минеральной воды и пару бокалов. Разлив воду по бокалам, в ожидании, когда принесут ужин, сидел, потягивал минералку и наблюдал за Настей.

Да, как говорится, породу не пропьёшь. Дочь князя и графини вела себя с поистине царским спокойствием. Осанка, манера держаться, даже то, как она грациозно отпила минеральной воды из бокала, всё говорило о далеко не простом воспитании. И это, по сути, деревенская девчонка, которая первый раз в жизни едет в поезде, первый раз надела на выход такой наряд и первый раз в жизни вышла, как говорится, в люди. Надеюсь, в этом варианте истории ей не придётся сбивать из зенитки немецкие пикировщики в осаждённом блокадном Ленинграде.

Официант вновь материализовался из пустоты, но уже с подносом, заставленным тарелками. Мгновение – и стол уже сервирован. Перед Настей появилась маленькая вазочка с букетиком красных гвоздик. Сестрица лишь царственным легким кивком поблагодарила за это. Как будто это такая малость, которая для неё вполне естественна каждый день. А вот наличие на столе нескольких видов ложек и вилок заставило её немного понервничать. Я хоть немного и учил её правилам этикета (спасибо закачанным базам знаний), но не так уж и много. Поэтому, слегка наклонившись к сестре, чуть слышно сказал:

– Не нервничай. Вспомни, чему я тебя учил, или смотри и повторяй за мной.

Настёна успокоилась, взяла в руки нож и вилку и принялась за содержимое тарелки. Вы когда-нибудь видели, как кушает Императрица? (Вот именно так, с большой буквы.) Нет? А я вот видел. Казалось, все собравшиеся пристально следят за её манерами. Ну, их понять, в принципе, можно. Они, по большей части, пролетарского происхождения (ни в коем случае не

¹⁰ КИМ – коммунистический интернационал молодёжи.

в укор им) и манерам особо не обучены. Так ведь и Настя нигде не училась этому. Всё-таки, по-видимому, существует какая-то генетическая память предков.

Хм, а Стрельниковых нигде нет, что странно. Проходя через их вагон, я не почувствовал присутствия там Ольги. Надеялся увидеть их здесь, но и тут их нет. Что-то тревожно мне стало.

Настя внимательно посмотрела на меня и, отложив столовые приборы, спросила:

– Витя, а что случилось? Ты вдруг изменился в лице.

– Хотел тебя познакомить кое с кем, надеялся их увидеть здесь, но почему-то они не пришли. И мне что-то стало тревожно. Ты поела?

– Да, спасибо. Правда, не поняла, вкусно это или нет. Кажется, что все только на меня и смотрели.

– Но ты молодец, справилась. А к тому, что смотрят, привыкай. Теперь на тебя смотреть будут часто, ведь ты у меня красавица.

– Да ну тебя! – Настя махнула рукой и покраснела, отчего стала ещё более неотразимой.

– Ладно, пойдём. А то мне и правда стало что-то беспокойно.

В вагоне, в котором ехали Стрельниковы, спросил у проводника, куда подевались его пассажиры, морской командир с семьёй.

Проводник, почему-то вытянувшись передо мной по стойке смирно, отрапортовал:

– Дак это, оне, стал быть, с дочкой в санпункт отправились. У нас в составе и такой имеется. А дочка у них, стал быть, больная, и ей уколы надобно делать. Вот они и пошли до врача все вместе.

– Благодарю, любезный, – почему-то на старорежимный манер сказал я. – А санпункт в какой стороне?

– Дак это, стал быть, в хвосте состава. Второй от хвоста. А хвостовым у нас вагон-клуб имеется. Там и концерты бывают, и музыка есть, и библиотека, чтоб в дороге почитать чего.

В этот момент в другом конце вагона появилась тихонько идущая Ольга, прижимающая ватку к сгибу локтя, а за ней – её мама и отец в неизменной морской форме. Не отрывая от них глаз, я пару раз слегка похлопал проводника по плечу.

– Спасибо, отец.

– Дак всегда пожалуйста, товарищ.

– Это они? – спросила Настя.

В ответ я только кивнул и пошёл навстречу.

– Ещё раз здравствуйте... – Ольга подняла глаза на знакомый голос, и по её губам скользнула улыбка. – А мы тут с сестрой с ужина идём, хотели вас навестить, а вас на месте не было.

– А мы тут вот... – начал Ольгин отец, виновато разводя руками.

– Виктор, это ваша сестра? – вступила в разговор Антонина Владимировна.

– Да. Позвольте представить, моя младшая сестра Анастасия Головина.

Если бы сейчас Настя сделала книксен, меня бы точно хватил удар, хотя я бы ничуть не удивился. К счастью, этого не произошло.

Настя мило улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте. Очень приятно, познакомиться.

– А меня зовут Антонина Владимировна, это мой муж и Олин папа, Николай Фомич, – взяла в руки инициативу в разговоре мама Ольги.

– А я Оля, – раздалось из купе.

– Очень рада познакомиться, – Настя улыбнулась девушке.

– Идёмте, проходите к нам, – вновь заговорила Антонина Владимировна. – Мы в купе едем втроём, и места всем хватит. Познакомимся поближе. Да и Оле будет веселее с молодёжью.

Ага, веселья здесь, как говорится, полные штаны. Похоже, состояние девушки опять начало постепенно ухудшаться. Надо срочно начинать восстанавливать ей сердце, иначе до Ленинграда она точно не доедет.

Я встал и под удивлённые взгляды закрыл дверь купе.

– Николай Фомич, Антонина Владимировна, нам надо серьёзно поговорить. – Удивление стало ещё больше, плюс полнейшее непонимание происходящего. – Я знаю о болезни Оли и знаю, что если не принять срочных мер, то до Ленинграда она просто не доедет.

– Откуда ты это можешь знать? – повысил голос, вскакивая с места, отец девушки. – Кто тебе об этом сказал?

– Сядьте, товарищ капитан второго ранга! – Мой голос был твёрже камня. Командирская интонация подействовала, и он опустил на своё место. – Есть вещи, о которых мне не надо говорить. Я просто знаю, и всё. А ещё я знаю, что могу помочь Оле и, возможно, полностью вылечить её.

Мать Ольги с надеждой смотрела на меня

– Виктор, вы что, врач? Но ведь вы ещё так молоды. Или у вас есть какой-нибудь знакомый хороший доктор?

– Нет, я не врач. Как я сказал одному человеку совсем недавно, я лучше, чем врач... – произнеся это, я слегка улыбнулся, вспомнив недоверчивого еврея.

– Он правда может помочь и вылечить, – сказала уверенным голосом молчавшая до сих пор Настя. – Верьте ему, и он спасёт вашу дочь.

В купе воцарилась тишина. Я прям физически чувствовал, как мечутся мысли в головах родителей девушки.

– Витя, помоги мне, пожалуйста, – чуть слышный голос Ольги раздался как гром среди ясного неба.

Я перевёл взгляд на её родителей.

– Что нам надо сделать? – твёрдо спросил Николай Фомич.

– Просто оставьте нас одних ненадолго.

– Надеюсь, ты ничего плохого ей не сделаешь? Иначе... – Что иначе, её отец не договорил.

– Не волнуйтесь, вы уже дали согласие, и теперь самое страшное для вас уже позади.

– Для нас?

– Да. Для вас и для Ольги. Для меня всё только начинается.

– Пойдёмте, не будем мешать Вите. – Настя под руки повела родителей девушки из купе. Едва дверь за ними закрылась, Ольга тихо произнесла:

– Ты и правда мне поможешь?

– А ты мне веришь? – спросил я, глядя ей в глаза.

– Тебе? Верю.

– Значит, точно помогу.

– И что мне делать? Это не больно?

– Нет, не больно. Просто ляг и лежи спокойно. Можешь даже уснуть, если захочется.

Девушка легла, вытянув руки вдоль туловища.

– Я сейчас положу свои ладони тебе на грудь. Не пугайся, так надо. Мне нужно, чтобы моё воздействие было как можно ближе к сердцу, – начал я объяснять свои действия, чтобы не напугать её.

Она закрыла глаза и чуть заметно кивнула, покраснев при этом как маков цвет. А я начал лечение.

Я ещё никогда так не выматывался. Сердце девушки работало буквально на последнем издыхании, и малейший сбой мог стать последним. Исправил врождённый порок митрального и трёхстворчатого клапанов, изменил расположение аорты, очистил полости правого и левого желудочков от всяких микроотложений и вообще почистил сердце, полностью убрав рубцы

на сердечной мышце, восстановил кровоток в сосудах, убрав тромбы, готовые в любой миг оторваться и убить её. Под конец влил в организм девушки максимум Силы, который она могла принять без негативных последствий.

Я окончательно потерял счёт времени. По моим внутренним ощущениям, прошла целая вечность. И я был, в общем-то, близок к истине. Прошло больше двух часов. Когда дверь в купе открылась, девушка спала спокойным здоровым сном, а я без сил сидел на полу, и моё лицо цветом сливалось с белоснежной простынёй.

Родители Ольги тут же бросились к своей дочери, а Настя метнулась ко мне.

– Витенька, потерпи. Я сейчас помогу тебе подняться.

– Анастасия, разрешите мне, – пробасил Ольгин отец.

Он помог мне подняться и усадил поближе к столу.

– Виктор, вам плохо?

О как, уже на вы.

– Ничего, бывало и похуже, – слабо улыбнулся я. – Вы Олю не будите, ей сейчас хороший сон только на пользу. А мне надо идти к себе. А то там у нас вещи без присмотра.

Как раз за вещи я не боялся. Уходя, я запечатал дверь купе Силой, и теперь её открыть можно только если взорвать, да и то не факт. Либо это могли сделать я и Настя. Такие я сделал настройки.

Николай Фомич, поддерживая под руки, помог мне добраться до нашего купе. Со стороны могло показаться, что хорошо подвыпившему пассажиру помогает дойти его более крепкий товарищ.

В купе, не обращая внимания на Настю, полностью разделся и, как в тумане, залез под душ. Контрастного не получилось, так как горячая вода таковой являлась довольно условно, скорее хорошо нагретая, зато холодная была действительно холодной. Я не знаю объёма бака с водой в нашем вагоне, но половину, если не больше, я точно вылил на себя. Полчаса точно стоял под холодными струями. Вода хорошо смыла усталость и негативную энергию.

– Настюууш?!

В приоткрытую дверь просунулась рука с халатом, расшитым золотыми (реально золотыми) драконами. Подарок читинских китайцев. Насте, кстати, тоже подарили расшитый халат, только с лотосами.

– Спасибо, моя хорошая.

– Пожалуйста, – ответила Настя. – Ты там не околел?

– Да вроде нет пока, но горячего чая выпил бы с удовольствием. Пойду, крикну проводнику и попрошу чай или просто кипяток.

Через 15 минут я сидел у окна и пил обжигающий ароматный чай из стакана в подставке.

– Она будет жить? – задала вопрос Настя.

– Теперь да.

– Хорошо.

Ещё через пять минут Настя задала вопрос, который давно уже её мучил:

– Витя, а расскажи, как ты там жил?

Я отставил в сторону опустевший стакан.

– По-разному. Когда хорошо, когда не очень, а в последние десять лет так и совсем не очень.

– А у тебя там была жена?

– И жена была, и сын.

– И они остались там?

– Нет, они погибли. Нас троих сбила машина. Они умерли сразу, а я остался без ног, стал инвалидом и десять лет провёл в инвалидной коляске.

Глаза у Насти округлились, и в них буквально плескалось чувство жалости ко мне.

– А потом? – сквозь выступающие слёзы спросила она.

– А потом я там умер, – не стал вдаваться в подробности, – и вернулся обратно сюда.

– Ой, Витюша, мне так тебя жа-а-алко! – с плачем она повисла у меня на шее.

– Ну, не плачь, моя маленькая котёнка, – я погладил сестрёнку по голове.

– Ты опять называешь меня маленькой?! – с наигранным возмущением спросила девочка, отстранившись от меня.

– Ну хорошо, хорошо. Ты у меня теперь большая котёнка, – улыбнулся я. – Давай слёзки вытру... – Я взял в руки платок.

– Дай, я сама! – Настя отобрала платок и промокнула глаза с истинно царственной грацией.

Через пару минут тишины она вновь задала вопрос, типично женский.

– Витюш, а твоя жена была красивая?

– Очень, – с улыбкой произнёс я, но перед глазами почему-то стояла не Марина, а Ольга.

– А как она выглядела?

– А ты её сегодня уже видела и даже познакомилась с ней.

Показалось, что я услышал звук от упавшей на пол Настиной челюсти.

– Ольга?! Так ты поэтому бросился её лечить?

– Не только поэтому. Девчонка умирала. Ей действительно оставалось жить день-два, а если повезёт, то три. Ты считаешь, что я мог просто пройти мимо?

– Ой, прости, Витя, я не подумавши сказала. А она правда сильно похожа?

– Как две капли воды.

Так мы и проболтали, пока ночь не окутала всё своим тёмным саваном. Я рассказывал о своей жизни там, о Болеке и Лёлике, которых Настя заочно полюбила как своих родных (кстати, она, пока была жива, и там их тоже любила не меньше, чем меня). Заодно рассказал о том, кем на самом деле были наши родители. О многом Настя и сама догадалась, но полностью всё узнала лишь от меня. Естественно, попросил её об этом никому постороннему не рассказывать. Для всех наши отец с матерью – охотник-промысловик и врач. Так и вели разговоры, пока Настя не начала клевать носом, ну а потом улеглись спать.

Утром, проснувшись и умывшись, решили сходить на завтрак, а по пути провести Стрельниковых. Настя надела тёмно-синее платье с белым воротничком и короткими рукавами, а я облачился в свою юнгштурмовку, опоясавшись ремнём с портупеей. Возле двери купе Стрельниковых остановились и, переглянувшись, постучались. Дверь открыл Николай Фомич. На лице у него была счастливая улыбка. Причина такого хорошего настроения сидела за столом и уплетала за обе щеки супчик из судочка, в каких разносят еду из вагона-ресторана.

– Здравствуйте! – первой среагировала Настя. – Оля, привет. Приятного аппетита.

– Доброе утро, – присоединился я.

Ольга быстро положила ложку, вскочила и, бросившись мне на шею, взхлёб зарыдала. Вот, мало мне было одной любительницы поплакать в мою жилетку, так получите ещё одну.

Изобразив смущение (вот не в моём реальном возрасте смущаться от такого), я слегка приобнял девушку и по-быстрому её просканировал. Всё просто замечательно. Сердце работает как новенькое, кровь бежит по чистеньким сосудам, а остальные органы потихоньку тоже приведём в порядок.

Ольга поцеловала меня в щёку, что мне очень понравилось, и, покраснев, быстро отскочила обратно к столу. На смену ей полезла обниматься и целовать мне щёки её мать. Когда и Николай Фомич собрался было обнимать меня, я сказал:

– А вот с вами, товарищ красный военмор, я целоваться категорически не буду, – чем вызвал всеобщий смех. Похоже, у них в семье давно уже не смеялись, поэтому этот процесс доставил им всем огромное удовольствие.

– Ну, раз у вас всё хорошо, то мы пойдём завтракать, а на обратном пути опять зайдём, и я проведу ещё один сеанс.

– Виктор, – обеспокоенно произнесла Антонина Владимировна, – а вам, как вчера, плохо не станет?

– Нет, теперь уже не станет. Самое сложное позади, и теперь надо лишь укрепить достигнутое. Да, у меня к вам будет одна маленькая, но существенная просьба: не надо никому рассказывать, что это я вылечил вашу дочь.

– Но как же? – начала было мать Ольги. – Вы же можете столько вылечить и станете прославленным врачом.

– Заключённым я стану в каком-нибудь дальнем лагере.

Ага, хотел бы я посмотреть, как с моими способностями кто-то попытается законопатить меня за колючую проволоку. Если только сам туда не отправлюсь по какой-то необходимости.

– Вы же понимаете, что всё, что я сделал, всё это противоречит официальной медицинской науке? А раз противоречит – значит, опасно. Кроме того, у меня нет диплома врача, а значит, врачебной деятельностью я занимаюсь незаконно.

– Но как же тогда быть? Ведь в Ленинграде лишь только посмотрят в Олину медицинскую книжку и сразу поймут, что она из Владивостока выезжала в очень плохом состоянии, а приехала почти здоровая. Начнут вопросы задавать, и что мы скажем?

– Скажите, что перед самым отъездом вам повстречался старый шаман и дал какую-то настойку, которую Оля пила всю дорогу, и эта настойка ей помогла. Кому будет нужно, тот пусть и ищет этого мифического шамана.

– Скажите, Виктор, только прошу вас, не обманывайте: Ольга выздоровела, или это временное улучшение? – Голос Антонины Владимировны был наполнен тревогой.

– Не волнуйтесь, – с улыбкой ответил я. – Ольга больше никогда и ничем не заболеет. Вообще ничем. И никогда.

На завтраке повторился сценарий вчерашнего ужина. Всеобщее внимание в адрес Насти, букетик цветов в маленькой вазочке перед ней на столе и мгновенное обслуживание со стороны официанта. Настёна на этот раз вела себя более раскованно и вполне нормально позавтракала.

Вновь зашли к Стрельниковым. На этот раз я никого из купе не выгонял. Попросил Ольгу лечь на живот, положил ладони ей на лопатки и медленно вёл их вниз, по пути сканируя организм, очищая и заставляя нормально работать внутренние органы. На всё ушло минут двадцать. В конце я опять влил в неё Силу, но уже немного. Ольга сказала, что очень проголодалась, чем вызвала счастливые улыбки у своих родителей. Мы с Настей попрощались и предложили Ольге позже сходить с нами пообедать в вагон-ресторан, а потом прогуляться до клубного вагона, посмотреть, что там вообще есть.

Похоже, шокировать публику вагона-ресторана начинает входить у нас в привычку. На этот раз я появился в сопровождении уже двух королев. Настя – в тёмно-синем платье, на Ольге тоже что-то похожего фасона, только тёмно-зелёное и чуть попроще, а я заявился на обед в прикиде «а-ля клерик тетрагамматона», то есть в абсолютно белом костюме, во френче со стоячим воротником. Шашку, что ли, надо было с собой взять, чтобы быть совсем уж в образе. Жаль только, никто не зацепит.

На этот раз на столе появилось уже две вазочки с букетиками цветов. Как я заметил, другим дамам здесь цветы на стол не ставят. Настя сделала заказ сама, а для Ольги я заказал большую отбивную, салат из свежих овощей и большую чашку какао и заставил всё это съесть. Сил ей набираться надо побольше. Организм сейчас начнёт наверстывать упущенное в развитии. Из разговора я узнал, что ей 16 лет, что очень хочет вернуться в школу, в которую из-за болезни не ходила последние три года, что очень любит предмет химию и хотела бы в будущем стать фармацевтом и создавать новые лекарства. Более чем достойная мечта, а уж теоретическим материалом для исследований я обеспечу.

После обеда вначале заглянули в купе к Ольгиным родителям и предупредили их, что будем в клубном вагоне, потом зашли к нам. Наше купе Ольге очень понравилось, особенно наличием своего душа и туалета. Предложили ей приходить к нам в гости в любое время.

В клубном вагоне никого из пассажиров не оказалось, и только одна девушка-культмас-совик сидела у окна и с мечтательной улыбкой смотрела на проплывающий пейзаж. Сам вагон был очень интересным, с большим панорамным окном в задней части. Сбоку у стены стояло, похоже, ещё дореволюционное, пианино, рядом была прислонена гитара и стоял аккордеон. Вдоль стенок вагона стояли мягкие диваны, а в самой середине можно было даже, при некоторой сноровке, потанцевать.

Танцевать мы не собирались, и я попросил разрешения сыграть на пианино. В своём новом теле я ещё ни разу на нём не играл, но волновался напрасно, всё получилось просто замечательно. Сыграв пару мелодий и разработав пальцы, повернулся к замершим девчонкам.

– Настён, попробуй спеть «Прекрасное Далёко». Слова помнишь?

Настя молча кивнула. Я заиграл вступление, и ручейком полился прекрасный голос.

Интерлюдия. Ольга

Ольга стояла и смотрела на этого невероятного парня. Он сидел за пианино, чуть прикрыв глаза, а его пальцы легко порхали над клавишами, и из-под них рождалась музыка. Мелодия была завораживающе красивой, и в неё гармонично вплетался такой же красивый голос его сестры.

Вообще всё произошедшее за эти два дня было похоже на чудо. Хотя почему похоже? Всё это и было чудом. Ещё вчера утром она умирала от страшной болезни, и каждый вздох мог стать для неё последним, а сегодня она абсолютно здорова, счастлива и радуется жизни. И это всё он! Такой необычный, такой замечательный и добрый. Такой... такой... Она не могла подобрать слов, чтобы описать его. Ей просто хотелось быть с ним рядом всегда-всегда.

Ольга с улыбкой вспомнила, как вчера днём они встретились в первый раз. Вчера? А кажется, что прошла целая вечность, и это всё было будто бы в другой жизни. Хотя, наверное, так оно и есть. Ещё вчера это была совсем другая жизнь. Даже не жизнь, а её подобие. Такая далёкая, о которой хотелось побыстрее забыть.

Она с папой и мамой вышла на перрон, чтобы подышать свежим воздухом. Хотя ей это уже давно было безразлично. Пошла лишь для того, чтобы не расстраивать родителей. Ей было очень плохо, каждое движение давалось с большим трудом и требовало много сил. Сердце гулко стучало, и его стук отдавался в голове. Она знала, что умирает и что, скорее всего, не доедет до Ленинграда, куда исключительно из-за неё добился перевода отец.

Так, предаваясь своим невесёлым думам, она тихонечко брела вдоль вагонов, не смотря по сторонам, когда вдруг чуть не налетела на кого-то, стоящего на перроне. От неожиданности она оступилась и непременно упала бы, если бы её не подхватили чьи-то сильные руки.

Оля подняла глаза и увидела перед собой красивого подтянутого юношу, который держал её за руки. В его взгляде было такое изумление, как будто он увидел кого-то очень хорошо ему знакомого и дорогого, кого он никак не ожидал здесь увидеть. И она вдруг ощутила, как от его рук к ней пошла волна ласкового тепла, принося вслед за собой облегчение и силы. Краем сознания она слышала, как где-то совсем рядом над головой что-то лопнуло. Как будто кто-то разбил лампочку. Она только смогла, глядя ему в глаза, чуть слышно сказать:

– Спасибо.

Следующая их встреча произошла чуть позже в тот же день. Она сходила в медпункт в сопровождении родителей, чтобы сделать укол, и уже возвращалась, когда в своём вагоне увидела его, что-то расспрашивающего у стоявшего перед ним навытяжку проводника. Рядом с ним была очаровательная девушка в невероятно красивом бежевом брючном костюмчике (она и не знала, что такие бывают) и невероятно красивых красных туфельках. Она была очень

похожа на этого юношу которого, как она уже знала, зовут Виктор. Сестра? Он говорил родителям, что едет вдвоём с сестрой. А сколько было радости, мгновенно сменившейся тревогой, в его взгляде, когда он увидел её, входящую в вагон с ваткой на сгибе локтя.

А потом было чудо!!! Он вылечил её. Сумел убедить родителей, что сможет ей помочь. Даже прикрикнул на отца, так, что заставил его моментально подчиниться. Потом выставил всех за дверь купе и подошёл к ней. А когда он положил свои ладони ей на грудь, вдруг стало так сладко-сладко. От волн тепла, исходящих от этих ладоней, она уснула, а когда проснулась, его уже не застала. Зато почувствовала себя совсем здоровой. И безумно голодной. Папа с мамой со счастливыми улыбками смотрели на то, как она с аппетитом ест принесённую из ресторана еду, и мама время от времени дотрагивалась до неё, словно хотела убедиться, что это не сон.

На следующее утро Виктор вновь зашёл к ним, она не удержалась и поцеловала его. А он опять лечил её, водя руками по спине, и ей было до безумия хорошо, хотелось, чтобы это не прекращалось.

В обед они втроём с его сестрой пошли в ресторан. Он был такой красивый в своём невообразимом белом костюме. Виктор заставил её съесть огромную отбивную с салатом и выпить большую чашку какао. А сколько заботы было в его взгляде, и это заставляло её, уже совсем здоровое сердце, учащённо биться.

И вот сейчас они в вагоне-клубе, она смотрит на того, кто стал ей так близок, наслаждается замечательной песней и прекрасным голосом его сестры.

Глава 6

Настино исполнение этой прекрасной песни было, пожалуй, даже лучше, чем в её том, что называется, каноническом варианте. Были, конечно, мелкие огрехи, но заметны они были только мне. Красивый голос плыл над музыкой, завораживая сказочным звучанием.

Прекрасное Далеко,
Не будь ко мне жестоко,
Не будь ко мне жестоко,
Жестоко не будь.
От чистого истока
В Прекрасное Далеко,
В Прекрасное Далеко
я начинаю путь.

Лишь только прозвучали последние аккорды и последние слова песни, как раздались громкие аплодисменты и крики «Браво!». Оказывается, мы не заметили, как в вагон-клуб начала собираться публика.

Девушка-культмассовик, с восторгом глядя на нас, поинтересовалась, чья это песня, кто автор, на что Настя с гордостью ответила, кивнув в мою сторону:

– Это мой брат Виктор сочинил.

– Виктор, – обратилась она уже ко мне, – а у вас есть ещё песни?

Тут к ней присоединилась вся пришедшая публика. Ну, их понять можно, с развлечениями в это время, да ещё и в дороге, мягко говоря, не густо.

– Вам хочется песен? – хохотнул я, не переставая наигрывать попури из разных мелодий. – Их есть у меня.

А почему бы и нет? Никаких угрызений совести, выдавая эти музыку и песни за свои, я не испытывал. Я всё сделаю для того, чтобы история этого мира пошла по другой колее, а значит, никто этих песен не напишет. Зато напишут другие, не менее замечательные. А значит, хорошей музыки и хороших песен станет только больше. Уж разную чернуху я точно сюда не привнесу.

– Товарищи, я сразу хочу сказать, что некоторые песни хорошо бы исполнять в сопровождении оркестра, но, боюсь, что большой симфонический оркестр займёт как минимум полсостава. – Раздался смех среди собравшихся. – Поэтому я постараюсь исполнить их на тех инструментах, которые есть в наличии. Так что прошу вас быть снисходительными. Итак, следующая песня называется «Товарищ Правда».

Я начал играть вступление. Выбор песни был не просто так, я решил, что идеологически выдержанные песни тоже необходимы.

Есть в старых, для меня, советских песнях какая-то энергетика, которая затрагивает те, правильные струны души.

Остался дом за дымкою степною,
Не скоро я к нему вернусь обратно.
Ты только будь, пожалуйста, со мною,
Товарищ Правда, товарищ Правда!

Я все смогу, я клятвы не нарушу,
Своим дыханьем землю обогрею.

Ты только прикажи – и я не струшу,
Товарищ Время, товарищ Время!

Я снова поднимаюсь по тревоге.
И снова бой, такой, что пулям тесно!
Ты только не взорвись на полдороге,
Товарищ Сердце, товарищ Сердце!..

Мгновения тишины – и оглушительные аплодисменты. И тут меня, что называется, приложило волной светлой энергии, идущей от собравшихся. Я даже рукой схватился за стул, на котором сидел, чтобы меня буквально не снесло. Первое ошеломление прошло, и стало легко-легко.

Казалось, что я могу взлететь. Я просто купался в потоках этой лучистой энергии, пронизывающей каждую клеточку тела, напитывая и очищая их от всего тёмного и наносного. Хорошо, что моё замешательство длилось какие-то мгновения, и этого никто не заметил.

Тут я заметил среди публики только что пришедшего молодого мужчину в кителе и в фуражке с кокардой гражданского воздушного флота.

– Товарищи, следующую песню я хочу посвятить присутствующему здесь представителю нашего славного воздушного флота.

В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает:
Знакомый дом, зелёный сад и нежный взгляд.
Пройдёт товарищ все фронты и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Когда ж домой товарищ мой вернётся,
За ним родные ветры прилетят.
Любимый город другу улыбнётся:
Знакомый дом, зелёный сад, весёлый взгляд.

И вновь аплодисменты. Авиатор, смутившись, с лёгким поклоном, козырнул. Девушка-культмассовик смотрела на меня с обожанием, что не прошло незаметно для Насти и Ольги. И если первая лишь ехидненько улыбнулась на это, то во взгляде второй появились нотки ревности.

– А теперь, товарищи, сменим инструмент. – Я накинул на плечи ремни аккордеона. – Так как мы с вами едем в этом прекрасном поезде, то и песни должны быть, что называется, дорожными. Следующая называется «От Волги до Енисея». Мы с вами, правда, едем немного в другую сторону, но представьте, что мы доехали до Ленинграда и решили вернуться обратно во Владивосток.

Среди присутствующих раздался смех и чей-то выкрик:

– С такими концертами – с удовольствием!!!

На это я изобразил лёгкий поклон и заиграл песню группы «Любэ».

От Волги до Енисея леса, косогоры да степи.
Рассея, моя ты Рассея от Волги и до Енисея.
Е-я, е-я, Рассея, е-я.

По дороге ночной гармонь заливается,
Девки ходят гурьбой, милым улыбаются.
Ночь такая замечательная рядом с тобой,
Песня русская, мечтательная льется рекой.

От Волги до Енисея ногами не счесть километры.
Рассея, моя Рассея от Волги и до Енисе-е-е-я.
От Волги до Енисея ногами не счесть километры.
Рассея, моя Рассея от Волги и до Енисе-е-е-я.
Е-я, Рассея, е-я...

Если честно, то было сомнение, как воспримут слово «Рассея», но ничего, приняли просто замечательно.

– Ну а теперь, товарищи, пара песен под гитару. – Я снял с плеч аккордеон и взял в руки гитару, пробежал пальцами по струнам. Хороший инструмент, звучный.

– Следующая песня называется «Берёзы».

О том, что когда-то в будущем ее будет (или уже не будет?) исполнять группа «Любэ», я, разумеется, умолчал.

Отчего так в России берёзы шумят,
Отчего белоствольные всё понимают,
У дорог, прислонившись, по ветру стоят
И листву так печально кидают.
Я пойду по дороге, простору я рад.
Может, это лишь все, что я в жизни узнаю,
Отчего так печальные листья летят,
Под рубахою душу лаская.

А на сердце опять горячо-горячо,
И опять, и опять без ответа,
А листочек с берёзки упал на плечо,
Он, как я, оторвался от веток...

Пока пел, смотрел на реакцию публики. На лицах собравшихся играли лёгкие улыбки с грустинкой. Значит, песня понравилась.

– Ну, и сразу ещё одна.

Я решил исполнить «Вальс-бостон» Розенбаума.

На ковре из желтых листьев в платице простом
Из подаренного ветром крепдешина
Танцевала в подворотне осень вальс-бостон,
Отлетал теплый день, и хрипло пел саксофон.

И со всей округи люди приходили к нам,
И со всех окрестных крыш слетались птицы,
Танцующие золотой захлопав крыльями.
Как давно, как давно звучала музыка там. <...>

Как часто вижу я сон,
Мой удивительный сон,
В котором осень нам танцует вальс-бостон.
Там листья падают вниз,
Пластинки крутится диск,
Не уходи, побудь со мной, ты – мой каприз.
Как часто вижу я сон,
Мой удивительный сон,
В котором осень нам танцует вальс-бостон...

Бешеные овации были мне наградой. Вагон уже был забит буквально битком. Осталось немного свободного места возле меня. Некоторые из тех, кто пришёл первыми, успели сбегать за своими знакомыми, и теперь люди толпились, по-моему, даже в тамбуре. Девушки смотрели с обожанием, но как-то проявлять свои чувства не осмеливались, видя рядом со мной двух ослепительных красавиц.

Настя смотрела на меня с гордостью, а Ольга с явной влюблённостью. Ну, в общем-то, этого я и добивался. Весь этот импровизированный концерт я и затеял исключительно ради неё. Кстати, а почему бы и нет? Устрою-ка я пару концертов, пока едем. И хоть какое-то развлечение, и Настю надо приучать к публике. Заодно ещё пару песен с ней разучим и отрепетируем.

– Товарищи, давайте я исполню ещё две песни и на этом закончим. – Ответом был разочарованный гул. – Ну правда, товарищи, с непривычки немного устал. Но ведь это же не последняя наша встреча здесь? Итак, одна песня будет лирическая и немного грустная, а вторая – заводная, испанская. Первая называется «Позови меня тихо по имени».

Я начал играть вступление. Всё же есть песни на все времена, и ребята из «Любэ», что ни говори, гениальные музыканты и исполнители.

Позови меня тихо по имени,
Ключевой водой напои меня.
Отзовется ли сердце безбрежное,
Несказанное, глупое, нежное.
Снова сумерки всходят бессонные,
Снова застыт мне стекла оконные.
Там кивает сирень и смородина,
Позови меня, тихая родина.

Позови меня на закате дня,
Позови меня, грусть печальная, позови меня.
Позови меня на закате дня,
Позови меня, грусть печальная, позови меня.

Знаю, сбудется наше свидание,
Затянулось с тобой расставание.
Синий месяц за городом прячется,
Не тоскуется мне и не плачется...

Некоторые из слушателей даже смахнули слезинки с глаз. Заключительной я решил исполнить песню из кинофильма «Отчаянный». Это там, где Антонио Бандерас играл на

гитаре. Первые же аккорды и слова заводной песни, да ещё и на испанском, привели публику в восторг, а я выложился полностью. Мне и в той жизни нравилась эта мелодия.

Я думал, что от взрыва аплодисментов либо вылетят стекла, либо вагон сойдёт с рельсов. Отложив гитару, я низко поклонился публике.

– Огромное спасибо вам, товарищи, за внимание.

Уходили мы под гром оваций. Перед нами расступались, пропуская, и продолжали аплодировать. Девушка-культмассовик успела схватить Настю за руку и спросила:

– Девушка, извините, а все эти песни ваш брат написал?

– Да, – как само собой разумеющееся ответила Настя.

– И испанскую?

Настя лишь с улыбкой кивнула.

– Девушка, а как фамилия вашего брата?

– Моего брата зовут Виктор Головин, и скоро о нём узнает вся страна, – с гордостью ответила Настя.

А потом я проводил Ольгу до их купе и у самой двери поцеловал в щёку. Боже, кто бы знал, как я хочу поцеловать её по-настоящему, но рано... рано...

Интерлюдия. Родители Ольги

Дверь купе закрылась за Ольгой. Этот очень необычный молодой человек, Виктор, пригласил их дочь в вагон-ресторан пообедать. А как загорелись счастьем глаза их девочки, когда она вновь увидела его. И вот сейчас, с щелчком закрывшейся двери, словно лопнула какая-то верёвка, что душила их, её родителей, все эти годы.

Они молча сидели друг напротив друга и впервые не знали, что делать. Та невероятная моральная и физическая тяжесть, что многие годы, словно огромная гранитная скала, давила на них, вдруг, по мановению руки этого юноши, исчезла. Их дочь, ещё вчера страдающая от страшной болезни, фактически (что уж самих себя-то обманывать?) умирающая, сегодня абсолютно здорова и идёт обедать в ресторан с молодым человеком.

Первым тишину нарушил Николай Фомич.

– Гхм. Мне показалось, или наша дочь только что ушла на свидание? – пряча улыбку, спросил он.

И этот невинный вопрос прорвал какую-то плотину, что сдерживала эмоции. Слёзы неудержимо хлынули из глаз Антонины Владимировны. Слёзы сквозь смех. У неё началась форменная истерика, какая бывает, пожалуй, у тех, кого приговорили к казни, и в тот миг, когда топор палача был уже занесён над плахой, зачитали полное помилование. И эти слёзы словно смывали всю ту черноту, что скопилась в душе за долгие годы борьбы с болезнью ребёнка, и одновременно вызывали безумное, невозможное счастье.

Николай Фомич прекрасно понимал состояние своей супруги. У него у самого камень свалился с души, когда Виктор сказал, что теперь Ольга будет абсолютно здорова. И эти слова были произнесены так, что не верить им было невозможно. И он верил.

Сейчас же он просто подошёл к той, с которой столько пережил вместе, и нежно обнял вздрагивающие от рыданий и смеха плечи. Так они и стояли обнявшись, пока Антонина Владимировна не успокоилась.

– И что теперь будет? – Она подняла заплаканные глаза на мужа.

– Даже не знаю, но, думаю, что теперь всё будет хорошо, – посмотрев в глаза жены, ответил он.

– А что скажешь о Викторе?

– Очень интересный и необычный юноша.

– О, да, – улыбнулась Антонина Владимировна, – необычный – это не то слово.

Они вдвоём засмеялись.

– Ты знаешь, Коля, – продолжила она, – а мне этот юноша понравился. И не потому, что он вылечил Оленьку. Просто он надёжный. Это чувствуется. Он сметёт любые преграды и сделает всё ради тех, кто ему дорог. И я бы, если честно, хотела, чтобы у них с Оленькой возникла дружба, а там дальше, – она лукаво улыбнулась, – кто знает?

– Мне он тоже нравится, – произнёс Николай Фомич. – Цельный парень. Да ещё с такими способностями. И явно не из простой семьи. Чувствуется в нём воспитание и образованность. И сестра тоже воспитанная и образованная девочка. Да и едут они не в обычном вагоне. Я вот в люкс билетов достать не смог.

– Надо как-то аккуратно порасспросить их о родителях, только так, чтобы не обидеть... – Антонина Владимировна уже начала строить в уме некие планы, которые сама же ещё не сформировала полностью, но подсознательно начала работать в нужном направлении.

Чуть погода в купе со счастливой улыбкой заглянула Оля и сообщила, что с Виктором и его сестрой Настей они идут в клуб. А примерно часа через полтора вернулась с пунцовыми щеками и застывшим в глазах восхищением.

– Что случилось, дочка, ты сама не своя, – заметила Антонина Владимировна её состояние.

– Мама, там Виктор... – задохнулась от волнения Ольга.

– Что Виктор? – вскочил Николай Фомич.

Что бы ни сделал этот парень для них, но если он позволил себе лишнее по отношению к его дочери, то ему несдобровать.

– Папа, всё хорошо, – поспешила Ольга успокоить своего отца. – Просто мы были в клубе, и Виктор там играл на инструментах и пел. Вернее, вначале Настя спела одну замечательную песню, которую сочинил её брат, а потом он сам играл и на пианино, и на аккордеоне, и на гитаре, пел свои песни. Он, оказывается, сочиняет такие прекрасные песни, сам пишет музыку и сам же исполняет. А как он играет, мамочка! – Волны восхищения так и лились от Ольги. – А одну песню он сочинил и спел на испанском языке. Она такая весёлая и задорная. Он пообещал мне написать перевод на русский. И все ему долго аплодировали. А девушки на него так смотрели... – прорезались нотки ревности в голосе. – А потом Виктор меня проводил и, – Ольга опустила глаза, ещё больше покраснела и чуть слышно произнесла: – поцеловал... в щёку... – поспешила она успокоить родителей.

А родители смотрели на свою смутившуюся дочь и счастливо улыбались. Впервые за долгие-долгие годы.

– Товарищ Головин, я вас очень настоятельно прошу! – Передо мной в дверях нашего купе, впрочем, не переступая через порог, стоял колобкообразный невысокий мужчина в форме железнодорожника. Он периодически снимал фуражку и вытирал платочком лоб и шею. – Ну хотя бы пару концертов... Я же не доеду до конечной, меня просто растерзают пассажиры. Я и так запретил пропускать в ваш вагон всех, у кого нет в него билета, а то они уже брали бы штурмом ваше купе, – пошёл он на откровенный шантаж.

– Ну хорошо, товарищ... – Я, приподняв бровь, посмотрел на колобка.

– Мищенко, – торопливо представился он. – Иван Сильвестрович Мищенко, начальник поезда.

– Рад знакомству, Иван Сильвестрович. Пожалуй, пару концертов действительно можно организовать. Но не сегодня, – быстро перебил я собиравшегося что-то радостно сказать начальника поезда. – Нам нужна пара дней на репетиции. Ну, хорошо, один день на репетиции, – поспешил успокоит взгустнувшего колобка. – Так что дайте объявление, что завтра после ужина в клубе состоится концерт. Но вы должны дать нам в помощь пару человек, разбирающихся в нотной грамоте и умеющих играть на инструментах. И надо сделать небольшую

перестановку в клубе. Пианино передвинуть и стульев поставить побольше. И нам до концерта никто не должен мешать.

– Товарищ Головин, вы меня просто спасли! Всю помощь окажем! Обратитесь в клубе к товарищу Герман, и вам всё организуют! – Колобок просто светился от счастья.

Когда дверь закрылась, я обернулся к с интересом прислушивающейся к разговору сестре.

– Ну что, Настён, устроим концерт? – я весело подмигнул ей.

– Да-да-да! – захлопала в ладоши, подпрыгивая, Настя.

– Тогда тебе надо будет выучить ещё одну песню.

За то, что Настя не успеет разучить текст, я не боялся. Ещё там, на хуторе у дядьки Андрея, я поработал Силой с её памятью и восприятием. Теперь Настя влёт запоминала любой текст и не просто механически его воспроизводила, а полностью осознавала. Что самое интересное, так это то, что больше такое не получилось сделать ни с кем. Сколько я ни экспериментировал с приходившими к нам хворыми и больными, но ничего не вышло.

– Так, собирайся и пошли в клуб репетировать. У нас не так и много времени.

В тамбуре вагона-клуба стоял проводник и заворачивал всех, идущих туда. Увидев нас, он вытянулся во фрунт и отрапортовал, что поставлен здесь по приказу начальника поезда, чтобы нам никто не мешал готовиться к концерту.

В самом клубе мы застали ту самую девушку-культмассовика, пытающуюся на гитаре подобрать аккорды к песне «Берёзы».

– Добрый день, девушка, – поздоровался я, – нам бы увидеть товарища Герман.

– Здравствуйте, Виктор, – она отложила в сторону гитару, – Герман – это я.

Оба-на! Герман! Как же я сразу не вспомнил одну из известнейших певиц Советского Союза из моего мира.

– А вас не Анна зовут? – на всякий случай спросил я.

– Анна, – неуверенно ответила девушка, заметив изумление в моих глазах, и протянула руку.

Вот бывают же совпадения! Аккуратно пожимаю протянутую ладонь. Есть контакт. Анна Иосифовна Герман. 20 лет. Сирота. В этом году окончила с отличием Ленинградский центральный музыкальный техникум, исполнительское отделение. Дядя, а это оказался тот самый колобок, начальник поезда, помог устроиться в вагон-клуб культмассовиком. Это уже её третья поездка из Ленинграда во Владивосток и обратно. Работа ей очень нравится.

– Аня, если вы ещё и хорошо поёте, то у вас будет просто замечательное будущее, – сказал я смутившейся девушке.

Репетиция прошла просто замечательно. Аня прекрасно играла и на пианино, и на гитаре, и на аккордеоне, а также на скрипке, которую я в прошлый раз не заметил. А ещё у неё был хороший голос.

Я написал текст песни для Насти и расписал на позаимствованных у Анны нотных листах партии для скрипки, пианино и аккордеона для всех песен, которые собирался исполнять. Причём петь придётся не только мне и Насте, но и Анне. Будет заодно и бэк-вокалом. А исполнять Настя будет, вот ирония, песню той Анны Герман «Надежда». Пришлось только немного поправить текст и изменить слова «взлётные огни аэродрома» (маловато пока этих самых аэродромов, и они не так распространены) на «светят нам с тобой огни перрона».

Увлёклись так, что едва не забывали о еде. Впрочем, каждый раз, идя в ресторан, мы с Настей обязательно заходили к Стрельниковым за Ольгой. Заодно пригласили их на концерт. На просьбу Ольги разрешить ей прийти к нам на репетицию пришлось отказать, сказав, что не хочу портить сюрприз. По-моему она немного обиделась.

Когда на репетиции я исполнил вначале «Если б не было тебя», а потом «Вечную любовь», Настя, вытерев слёзы с глаз, спросила:

– Это ты для Ольги будешь петь?

Я молча кивнул. В той жизни моя Марина очень любила эти песни и на русском, и на французском языках.

Анна тоже стояла с мокрыми глазами. Она играла во время исполнения на скрипке. Получилось щемяще-красиво.

На репетиции случилось ещё одно происшествие, открывшее мне новую способность, немного комичную, но, безусловно, полезную в бытовом плане. И, как оказалось позднее, не только в бытовом. А началось всё с того, что я посадил шикарное чернильное пятно на рукав своего белого костюма. И не заметил бы, если бы не Настя. Она уже в нашем купе вдруг в ужасе закрыла ладонями лицо и чуть слышно жалобным голосом простонала:

– Ви-итя-я, рукав...

Я поднял руку и на внутренней стороне рукава костюма увидел расплывшиеся и уже впитавшиеся чернила. Ну всё, теперь точно узнаю, изобрели здесь шариковые ручки или нет, и если нет, то изобрету. Ненавижу чернила! В таком раздражённом состоянии я чисто рефлекторно ладонью попытался стряхнуть загрязнение, и... чернила послушно скатились на пол, оставив после себя девственно чистую ткань, при этом идеально разглаженную. У Насти глаза стали размером с блюдце.

– Так, очень интересно. Настюш, а сбегай-ка до клуба и принеси баночку чернил.

Вскоре на столике на расстеленной газете лежал белоснежный Настин платок и стояла банка чернил. Как следует пропитав платок тёмно-синей, почти чёрной жидкостью и хорошенько помяв его в руках, отчего те стали похожи на руки шахтёра или трубочиста, я разложил его на газете, чтобы немного подсохли чернила. Сам попытался отмыть руки, но безуспешно. Кисти рук лишь изменили цвет с почти чёрного на какой-то синевато-голубоватый. Как у зомби из фильмов того мира. Примерно через полчаса попробовал стряхнуть ладонью чернила с платка. А вот фигушки! Абсолютно никакого эффекта. Попробовал ещё раз. Результат тот же.

Уже начав раздражаться вновь провёл ладонью по ткани, и... чернила скатились на газету. Причём не только с платка, но и с ладони. А платок оказался идеально разглаженным, словно по нему только что прошли утюгом. Значит, всё дело в настрое.

Решил повторить опыт и ещё раз испачкать многострадальный платок чернилами, и... ничего не получилось. Чернила категорически отказывались приставать к платку и скатывались с него. Мяться в руках платок тоже не пожелал. Он, как говорится, после использования опять становился разглаженным, как из-под утюга.

Класс! Да я теперь сам себе комбинат бытового обслуживания. Обработал таким образом свой тетра-грамматоновский костюм. Получилось просто идеально. Для чистоты эксперимента разложил на полу купе несколько газет под висящим костюмом и под аккомпанемент Настиного «Ой!» плеснул на него остатками чернил. Костюм остался белоснежным, а чернила растеклись по газетам.

– Здорово. Я тоже так хочу, – с придыханием произнесла Настя.

– Да запросто, – весело ответил я, – давай сюда все твои одёжки.

Так я и обработал весь наш с Настей гардероб и всю нашу обувь.

И вот наше первое большое выступление. Народу в клуб набилось, что называется, битком. Мы с помощью пары проводников передвинули пианино в торец вагона, туда, где было большое панорамное окно, и условно обозначили что-то вроде сцены. В первые несколько рядов поставили стулья, по-моему, принесённые из вагона-ресторана. Дальше места были стоячими, но никто не был в обиде. На самом первом ряду оставил три места для Стрельниковых. Ольгу, естественно, посадил поближе к себе.

– Добрый вечер, товарищи! – начал я выступление. – Сегодня наше первое официальное выступление перед публикой, поэтому прошу строго не судить. Мы исполним песни, которые

ещё никто никогда не слышал. Это будут и лирические, и патриотические, и просто душевные песни. Сразу хочу поблагодарить нашего уважаемого начальника поезда, товарища Мищенко, за организацию нашего концерта. Товарищ Мищенко, встаньте, пожалуйста, пусть собравшиеся выразят вам свою благодарность.

Колобок, сидевший сбоку, встал и под аплодисменты степенно раскланялся. А я тем временем продолжил:

– Также хочу поблагодарить замечательную девушку, нашего очаровательного культмассовика товарища Анну Герман, – очередная порция оваций в адрес смутившейся Анны, – и я абсолютно уверен, что её ждёт большое будущее. Поэтому настоятельно рекомендую запомнить её имя, вскоре о нём заговорят по всей нашей необъятной стране. Будете когда-нибудь своим внукам рассказывать, что были на самом первом выступлении этой известнейшей певицы.

Среди собравшихся раздался смех.

– Ну да не будем много говорить и начнём наше выступление. Итак, первая песня называется «Прекрасное Далёко». Исполняет Анастасия Головина.

Настина исполнение было бесподобно и, закономерно, вызвало бурю оваций. А я продолжил свой конферанс.

– Прекрасное Далёко. Порой это чудесное время кажется нам недостижимым, но мы продолжаем идти к нему. Идти с верой в светлое будущее, верой в себя, в свои силы, в товарищей, готовых поддержать в трудную минуту, с надеждой на лучшее. И именно о той самой надежде следующая песня в исполнении Анастасии Головиной, которая так и называется – «Надежда».

Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Светят нам с тобой огни перрона.

Здесь у нас туманы и дожди,
Здесь у нас холодные рассветы,
Здесь, на неизведанном пути,
Ждут замысловатые сюжеты...

Небольшая пауза – и новая порция оваций. Настя покраснела от внимания и от удовольствия. Видно, что ей безумно нравится выступать перед публикой. Меня самого накрывали волны чистой энергии, идущие от импровизированного зала. Пришлось даже ставить что-то вроде ментального щита, иначе боюсь, что просто не выдержал бы такого напора Силы.

– Про веру и про надежду уже было сказано и даже спето, осталось сказать и, конечно же, спеть о любви, об этом светлом чувстве, которое, как я считаю, превышает всего. Любовь к Родине заставляет бойцов вставать в атаку под ливнем пуль и побеждать, любовь к женщине способна вдохновить на невероятные поступки. Любовь – это вечное чувство, и следующая песня так и называется «Вечная любовь», исполнить её мне поможет наша очаровательная Анна Герман.

Вечная любовь,
Верны мы были ей,
Но время зло
Для памяти моей,
Чем больше дней,
Глубже рана в ней.

Все слова любви
В измученных сердцах
Слились в одно
Рыдание без конца,
Как поцелуй,
И всё тянется давно.
Я уйти не мог,
Прощаясь навсегда,
И видит Бог,
Надеясь, жду, когда
Увижу вновь
Эту мою любовь,
И дам я клятву вновь...

Исполнение у нас с Анной получилось, что называется, душевным. Даже меня, старого циника, пробрало, что уж там говорить о собравшихся. Даже упоминание Бога не вызвало какого-то отторжения у публики. Девушки и женщины вытирали платочками глаза, а мужчины стали как-то серьезнее, что ли.

– Следующая моя песня также будет о любви. Я хочу посвятить её одной прекрасной девушке... – И я заиграл вступление песни Джо Дассена «Если б не было тебя».

Если б не было тебя,
Скажи, зачем тогда мне жить,
В шуме дней, как в потоках дождя,
Сорванным листом кружить?..
Если б не было тебя,
Я б выдумал себе любовь,
Я твои не искал бы черты,
И убеждался б вновь и вновь,
Что это всё ж не ты...

Я играл и пел, глядя в глаза Ольги, и только самому недалёкому человеку не было понятно, кому посвящена эта прекрасная песня. Родители Ольги переглянулись и чуть заметно кивнули друг другу. Ольга смотрела на меня с восхищением в глазах и с некоторой долей непонимания. Похоже, она до конца ещё не осознала, кому я посвятил эту песню. Вот всё-таки скотина я. Влюбил в себя девчонку. Но ничего поделать не могу. Моё!!! Никому не отдам!!!

Оставшийся концерт прошёл, что называется, на «ура!». Втроём с Настей и Анной мы исполнили песню «Самоцветов» «Мой адрес Советский Союз», вызвавшую восторг своим необычным для этого времени звучанием, также спел «От Волги до Енисея», которую некоторые уже слышали, «Берёзы», «Позови меня тихо по имени». Взял в руки гитару и спел розенбаумовский «Вальс-бостон».

Когда исполнял песню «Комсомолыцы-добровольцы» из кинофильма «Добровольцы», при исполнении припева все, кто сидел, вдруг встали. У мужчин сжаты кулаки, лица решительные. Женщины и девушки не отстают от мужчин. Вот уж действительно поколение победителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.